VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования

Книги серии
ИСТОРИЯ РОССИИ
издательства «Белый город» признаны
ЛУЧШИМИ КНИГАМИ 2000 ГОДА

Борис Евсеев

РУССКИЕ КОМПОЗИТОРЫ

Художник Александр Чаузов

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2002

МАЛЕНЬКИЙ ХОРИСТ

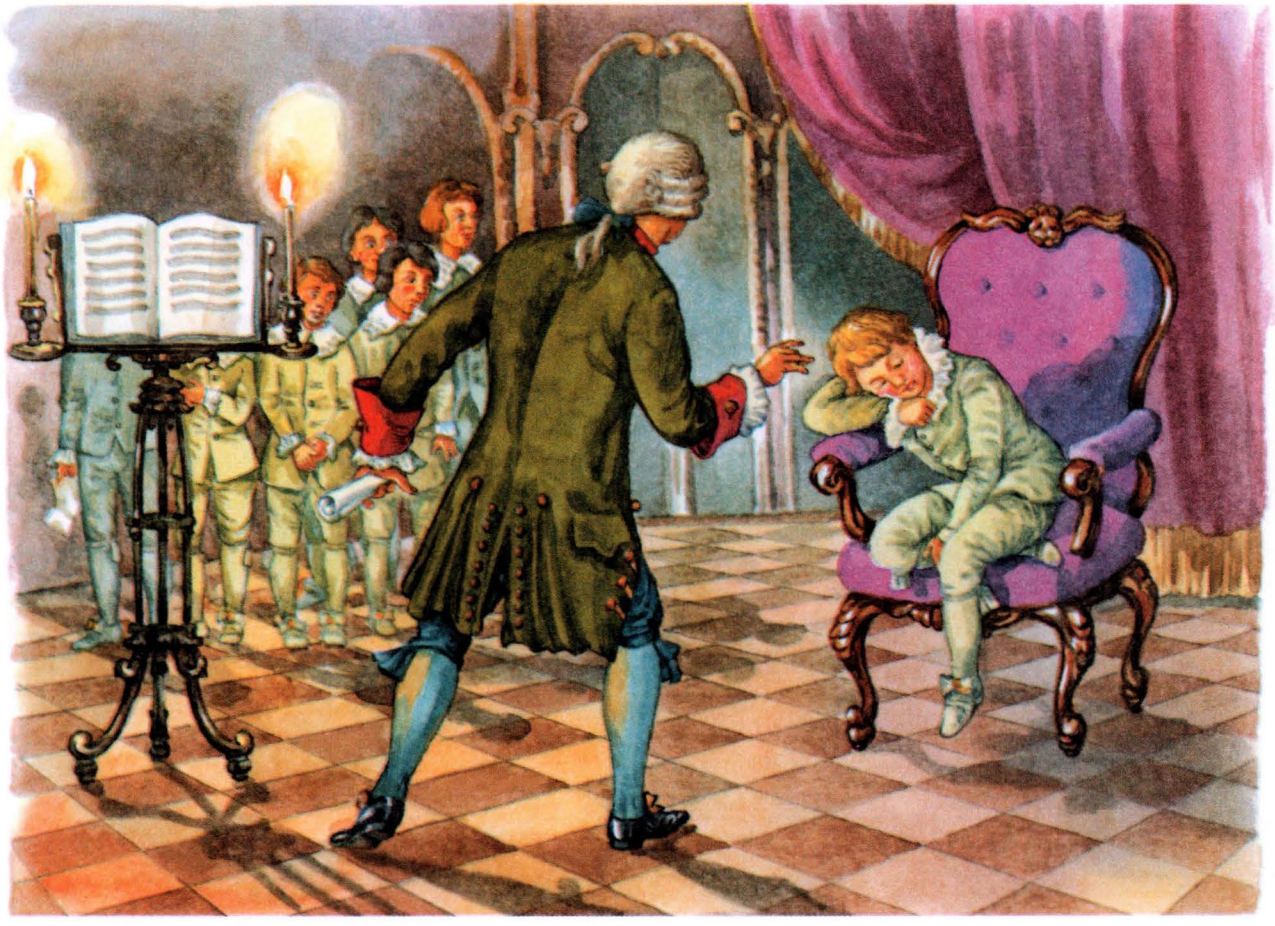
Было это 240 лет назад. В Санкт-Петербурге в роскошном и пышном дворце пел хор. Пылали свечи. Изредка на вытертый до блеска паркет с шипеньем капал воск. Дамы в белых кружевных платьях, кавалеры в расшитых камзолах благоговейно молчали. Время от времени вступали солисты. Вслед им гремел хор. Прекрасная и возвышенная музыка переполняла залу.

И вдруг все смолкло. Капельмейстер в страхе так и застыл с поднятой правой рукой. Придворные нахмурились: в чем дело? Что за глупая пауза?

И в тишине этой стало слышно: кто-то тонко, с присвистом, на всю залу посапывает. Ну а затем уж все — и хор, и капельмейстер, и придворные увидели: опустившись в глубокое, стоящее чуть поодаль от поющих кресло, спит мальчик-солист. И хор не может двинуться вперед, пока этот самый маленький хорист не пропоет свою партию.

Однако молчание длилось недолго. Зашушукались нервно дамы, грозно прокашлял кто-то из кавалеров. А капельмейстер Галуппи сделал два шага в сторону, готовясь своей толстенькой, красной рукой дать оглушительную затрещину уснувшему хористу...

Но ничего этого мальчик, спавший в кресле, конечно, не видел и не слышал. Белокурый, с круглым личиком, чуть вздернутым носом, одетый в пажеский, с кружевами костюмчик, он крепко спал. За целый день репетиций и музыкальных занятий мальчик сильно устал. И не видел, какие тучи собрались над ним. Итальянец Галуппи даже



зашипел от гнева и привстал на носки, чтобы ловчей ухватить за ухо белокурого «смутьяна».

Вдруг в зале произошло какое-то движение. Сама императрица Елизавета Петровна поднялась с кресла!

— Оставьте его, — громко приказала императрица. — Какой прелестный маленький казак! — обратилась она к фрейлине Нарышкиной. — Не будить его! — уже чуть капризней и тише вымолвила Елизавета Петровна. Она подошла к маленькому хористу. Слегка взвихрила ему волосы. И умилившись видом отрока, заснувшего посреди концерта, сняла с шеи платок, повязала его мальчику на шею.

Ей вдруг стало жаль маленького хориста. Может, потому, что императрица знала: тяжко заниматься пением мальчикам. Нещадно их треплют за уши. Бьют смычками. Разучивать партии целый день заставляют! А может, потому пожалела императрица мальчика, что личико у него было круглое, а нос коротенький, вздернутый. Точь-в-точь такой же, как у нее самой. И почти такой же, как у отца ее — великого Петра.

— Ко мне в опочивальню снесите его. Мигом, — тихо приказала Елизавета Петровна. И тут же в своем белом пышном платье величаво выплыла из залы.

Двое рослых лакеев подхватили мальчика и понесли его в опочивальню императрицы. Лакеи ступали бережно и меж собою не говорили. Но даже кричи они криком, все равно маленький хорист их не услышал бы.

Ему снился сон. Ах какой сладкий сон ему снился!

Снилась ему Украйна, и снился родной город Глухов. Белые низенькие мазанки. Яблоневые и вишневые садочки шумели, желтые мальвы качались, вился зеленый барвинок. Снились ему золотые, круглые, как дыни, купола степенных соборов.

Вот бежит какой-то малец, дразнится. «Бурсацкая морда!» — кричит. Но семилетнему Дмитрию до бурсы так же далеко, как до Луны. Поэтому он спокойно показывает дразнящемуся мальцу кулак и идет себе дальше. Идет в школу для малолетних певчих. Однако что за страшная история? Школу, которая ютится в такой же белой, ну может, чуть побольше, чем остальные, мазанке, вдруг грузят на воз. И она становится маленькой-маленькой. А возница, в котором

Дмитрий вдруг узнает со страхом самого гетмана Разумовского, кричит: «В Петербург забираю! Всю школу! Вместе с хатой! Там будете петь для меня! Десять лет! День и ночь! Без перерыва!»

Тем временем любитель хорового пения гетман Разумовский весело щелкает кнутом. И маленький Дмитрий от страха жмурится и закрывает глаза и тут же оказывается в Петербурге. В певческих музыкальных классах. И сразу же тянет руку, чтобы задать вопрос по нотной грамоте. Но итальянец Галуппи, который не только руководит хором, но и сам учит маленьких певчих, лишь сердито фыркает:

— Пшш... Молтши! Выдеру! Мал эшчо што-либо спрашиват!

Глупый Галуппи! Он учит Дмитрия тому, что тот и так уже хорошо знает. А не знает — так быстро выучит. Он ведь очень способный! Так все говорят. А вот учить Дмитрия игре на скрипке, на которой сам Галуппи так чудесно и быстро играет, итальянец отчего-то не хочет.

Но и Галуппи вдруг исчезает. И является перед маленьким Митей какая-то госпожа в белом, усыпанном жемчугом платье. Она склоняется над ним низко, шепчет тихо: «Терпи, казак, атаманом будешь! Будешь сочинителем музыки — в империи первым! Будешь с большими людьми дружбу водить. Даже царей воспитывать будешь! Глядишь, и министром станешь!»

И маленький казак Дмитрий Бортнянский тут же просыпается.

Солнце поднялось уже высоко. Беда! Беда! Опоздал на занятия! То-то трепка будет! Однако, несмотря на испуг, маленький Митя не спеша и с любопытством огляделся. И тут же испугался еще больше, потому как увидел: лежит он, одетый, на сказочно богатой, незнакомой постели. В роскошных покоях лежит. С райскими расписными птицами на потолке, с мебелью золоченой. А на шее его бантом повязан воздушный с серебринками платок.

Внезапно дверь в покои отворилась. Зашуршали платья, послышались тихие женские голоса, и не успел Дмитрий вскочить, как увидел над собой улыбающееся лицо самой императрицы:

— Ну?

Дмитрий втянул голову в плечи.

— Как почивал, казаче?

Смеющееся лицо императрицы еще чуть приблизилось к Дмитрию, и он в страхе поскорей закрыл глаза.

— Ну вставай, вставай! Ступай себе с богом в классы! Да слышь-ка! Скажи своему Галуппи, чтоб за уши тебя больше драть не смел! Да еще, слышь? Быть, я чаю, тебе богатым! А может, даже и счастливым...

Так — по слову Елизаветы Петровны — и сбылось.

Дмитрий Степанович Бортнянский

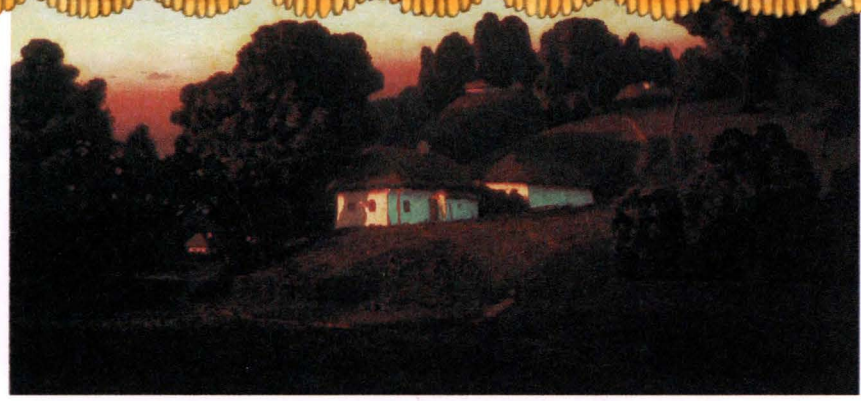
1751 год. Митя родился в городке Глухове в казачьей семье. Вскоре в городке открылась специальная школа для малолетних певчих, где он стал учиться. Эта школа готовила певцов для Придворной певческой капеллы в Петербурге.

1758 год. Дмитрия отправили в Петербург, где он продолжил изучение пения и теории музыки в Придворной певческой капелле под руководством М.Ф. Полторацкого и итальянского композитора Бальдассаре Галуппи, работавшего в Петербурге в 1763—68 годах.

1769 год. После возвращения Галуппи в Италию, по его же приглашению, с высочайшего позволения императрицы Екатерины едет Дмитрий в Италию «пенсионером». Десять лет он учится в Италии, переезжает из Венеции в Болонью, а оттуда в Модену, Неаполь, Рим. Сочиняет три оперы на древнегреческие сюжеты: «Креонт», «Алкид», «Квинт Фабий».

1779 год. Бортнянский возвращается в Россию, становится капельмейстером и руководит придворным певческим хором. С этого года он начинает писать концерты для хора и пишет их на протяжении почти 35 лет. Сочиняет романсы, песни. В Петербурге книжные лавки с успехом продают его сочинения, изданные с особым изыском, напечатанные с «одобрения автора». Каждое издание его нот становилось явлением в культурной жизни того времени. Дмитрий Степанович стал модным и популярным композитором. Светские визиты, торжества у петербургских вельмож... Его приглашают для участия в оперных постановках в камерный «Вольный театр» К. Книппера, где он работает вместе с одаренным композитором Василием Пашкевичем.

1783 год. Бортнянский стал капельмейстером и клавесинистом при дворе наследника российского престола Павла Петровича. Дает он уроки и супруге Павла — Марии Федоровне. Сочиняет оперы: «Празднество сеньора», «Сокол», «Сын-соперник», альбом с сонатами для клавесина для именитой ученицы, сборник французских романсов. Романсы Бортнянского становятся как бы визитной карточкой для входа в лучшие дома и салоны Петербурга. Он сближается с покровителем российских дарований, образованнейшим человеком своего времени графом А.С. Строгановым. Дмитрий Степанович вступает в Му-



А. Куинджи. «Вечер на Украине»

зыкальный клуб, знакомится с Д.И. Фонвизиным, Г.Р. Державиным, М.М. Херасковым.

1790 год. Композитор пишет инструментальные произведения: Концертную симфонию, Квинтет, Квартет, Концерт для фортепиано, 5 сонат, 3 сонаты для скрипки и фортепиано. Эти произведения интересны своим инструментальным составом. Например, в квинтете участвуют скрипка, виола да гамба, виолончель, арфа и клавир. В концертной симфонии к ним прибавлены вторая скрипка и фагот. Это, конечно, продиктовано составом любительского придворного ансамбля, для которого и написаны оба сочинения. Композитор продолжает писать и в жанре хоровой музыки. Это 10 концертов для двойного хора, трехголосная литургия, патриотические песни.

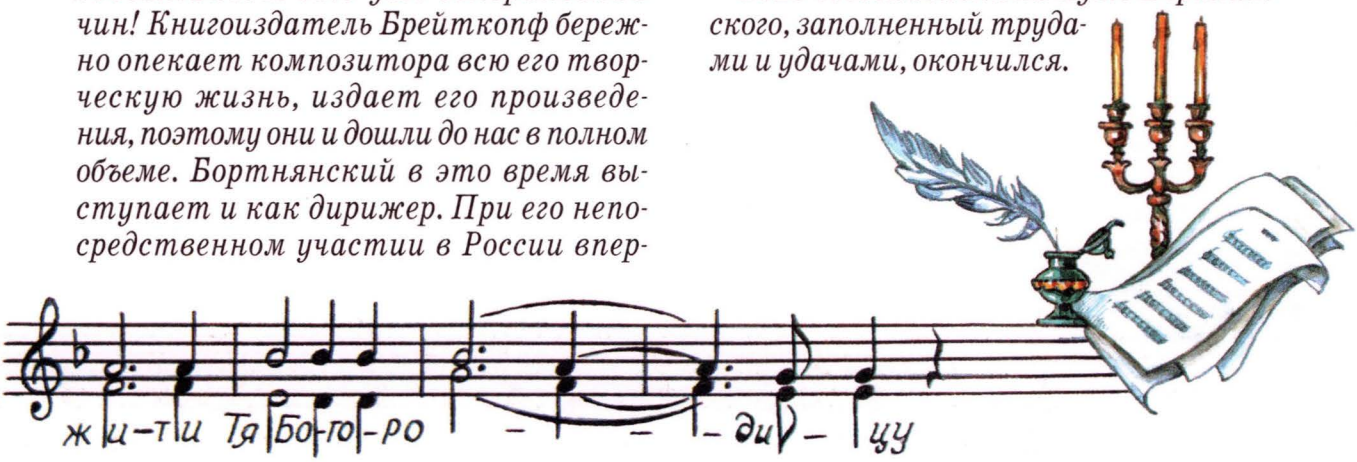
1796 год. Бортнянского назначают на должность управляющего Придворной певческой капеллой. Дмитрий Степанович получает чин коллежского советника, а через полгода — статского советника. А это уже генеральский чин! Книгоиздатель Брейткопф бережно опекает композитора всю его творческую жизнь, издает его произведения, поэтому они и дошли до нас в полном объеме. Бортнянский в это время выступает и как дирижер. При его непосредственном участии в России впервые были исполнены многие произведения Гайдна, Моцарта, Керубини, Бетховена.

1816 год. Бортнянский становится главным цензором издаваемых нот духовных произведений.

При его участии издаются сочинения Галуппи, Сарти, а также творения удивительного русского композитора, сделавшего много блестящих переложений древних русских распевов, позднее забытого и почти не издаваемого, — Павла Турчанинова.

Бортнянский чрезвычайно любил свои хоровые концерты, особенной 33-й. Почувствовав приближающуюся кончину, собрал придворную капеллу и попросил спеть концерт «Отчего скорбишь, моя душа».

1825 год. Жизненный путь Бортнянского, заполненный трудами и удачами, окончился.



ГРУСТНЫЙ ШПИОН

Книгу про русских композиторов надо было бы начать с Максима Березовского. Был он на 6 лет старше Бортнянского. Да и музыку начал писать раньше. И писал ее с чувством и необыкновенной легкостью. Но сам при этом был очень несчастлив. Жизнь прожил совсем короткую. И не успел сочинить всего, что мог бы.

А начало его неудачам положил случай. Шел 1775 год. В городе Ливорно, в Италии, тянулся бесконечный новогодний карнавал. И завершала его, как всегда, опера. На этот раз была поставлена опера русского композитора Максима Березовского. Или «маэстро Массимо», как звали его итальянцы.

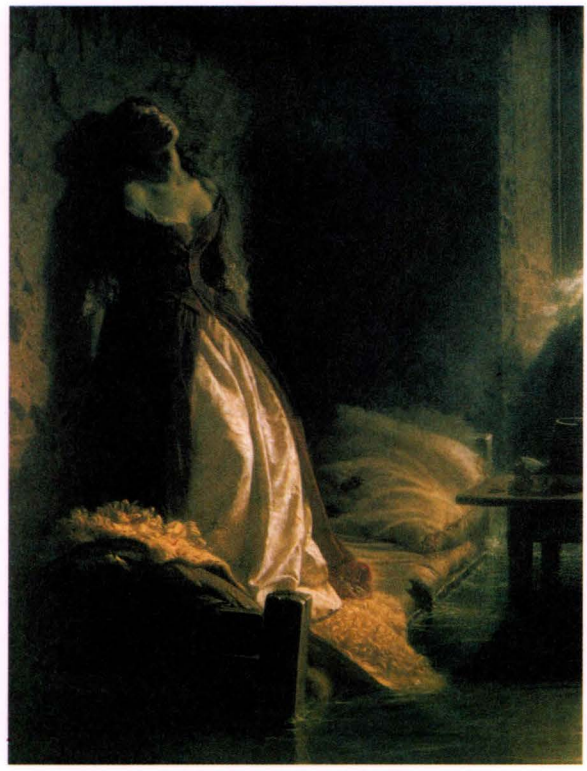
Проживала в те годы в Италии странная дама. Звала она себя то принцессой Азовской, то султаншей, а то княжной Таракановой. И притязала она, ни много ни мало — на российский трон!

Вот эту самую княжну Тараканову и был послан доставить в Россию граф Алексей Орлов. Герой Чесменской битвы граф Орлов делал дружеские визиты итальянцам. Заходил он на кораблях в разные порты. Салютовал из пушек. Итальянцам это нравилось. Дошла очередь и до Ливорно. И никто никакого особого значения этому визиту не придал. Здесь-то хитрому Орлову и пригодился композитор Березовский со своей оперой. Дело в том, что та, которая называла себя княжной Таракановой, уж очень любила музыку! И конечно,

пошла посмотреть оперный спектакль. А после, в числе прочих, радостно благодарила композитора. Тут он и пригласил ее (по поручению графа Орлова) на обед. Да не на простой обед! На корабельный! И княжна вместе со своей немногочисленной свитой пошла на корабль.

Огромный двухпалубный и многопушечный фрегат гордо стоял на рейде. Приветствовали гостей пушечной пальбой и криками «ура!». Играл ансамбль рожечников. Сам граф Орлов целовал руки дамам и, выхватывая шпагу из ножен, кричал: «Виват, императрица!» И при этом томно посматривал на княжну Тараканову. В общем, все было мило, празднично... Но как только последний из гостей ступил на корабль, хитрый граф Орлов приказал сниматься с якоря. Моряки подняли паруса, и корабль вышел в открытое море. Княжну Тараканову заперли в каюте.

После этого случая в жизни композитора Березовского все пошло как-то наперекосяк. Работы стоящей у него в Петербурге не оказалось. Жена его — «танцевальная девица» — куда-то исчезла. Денег было мало, почета никакого. Граф Орлов забыл бедного Березовского, который столь успешно справился с ролью шпиона. И тогда композитора стали посещать иные мысли — о вечности, о Боге. В один из таких задумчивых и одиноких вечеров сочинил он свой духовный концерт «Не отвержи мя, Боже, во время старости». И когда он писал концерт, то, наверное, вспоминал шелест волн, обтекающих корпус фрегата, и прекрасную, взбалмошную княжну, запертую в каюте... Потому-то, наверное, когда этот знаменитый концерт поет наш хор, мы слышим плеск волн, сладкую печаль итальянских побережий и суровый гомон русских лесов.



К. Флавицкий. «Княжна Тараканова»

В Италию «сеньор Массимо» так больше и не вернулся. Хоть и тосковал по ней. В России — не прижился. Что с ним стало — неизвестно. Одни говорили, что извела композитора тоска, не оставлявшая его ни на минуту. А другие — что извел его часто пролетавший в те годы над Петербургом черненький, с итальянской скрипкой под мышкой, кривой и насмешливый бес.

Ну а годовая лесенка жизни Березовского — вот она.

Максим Созонтович Березовский

1745 год. Максим родился в городке Глухове на Украине в небогатой казачьей семье. Семи лет попал в школу певчих, а потом в Киевскую духовную академию. Там он и начал сочинять свои хоровые концерты.

1758 год. Максим переехал в Петербург, стал петь в хоре мальчиков под руководством Марка Федоровича Полторацкого. Начинает писать хоровые концерты, которые сразу же завоевывают самую широкую популярность.

1759 год. Березовский предстает перед нами как актер-трагик на сцене ораниенбаумского придворного музыкального театра. В операх, в которых принимает участие Максим, он оказывается единственным русским актером — остальные роли исполняли итальянские певцы.

1763 год. Березовский женится на актрисе Придворного театра Франциске Ибершер. Бракосочетание было в центре внимания всего двора не только потому, что сама императрица благоволила к новобрачным, но и оттого, что для молодой Екатерины готовился еще один изысканный спектакль с участием придворных артистов.

1766 год. 22 августа в Янтарной комнате Екатерининского дворца под Петербургом «придворными певчими был пет концерт, сочиненный музыкантом Березовским». Но настоящая слава была впереди. Посылают Березовского в Италию, в Болонскую филармоническую академию «пенсионером».

1771 год. 15 мая Березовский избран членом Болонской филармонической академии, ему присвоено звание почетного академика. Этой чести в 1770 году удостоился 14-летний Вольфганг Амадей Моцарт.

1772—73 годы. В сезон карнавала в Ливорно поставлена опера «Демофонт», либретто для которой написано Пьетро Матастазио, писавшим для Г. Генделя, В. Моцарта, Й. Гайдна, К. Глюка и других.

1775 год. С эскадрой графа А. Орлова возвращается Березовский на родину. Князь Григорий Потемкин назначает его на должность придворного капельмейстера.

1777 год. Последний год жизни замечательного композитора, чьи духовные концерты — шедевры русского хорового искусства.

«АХ ТЫ СУКИН СЫН, КОМАРИНСКИЙ МУЖИК!»

На земле перед барским домом сидел мужичонка в лаптях и серой летней свитке. Он пел, и голос его оказался на удивление высоким и чистым.

Первыми на песню откликнулись канарейки. В просторной зале со столом и роялем их было штук пятнадцать. Сидевший за столом барин поднял голову и улыбнулся. Был он в халате и красной турецкой шапочке — с кисточкой феске. Он отложил перо и, растворив окно, стал вслушиваться в песню.

Вдруг дверь в залу распахнулась и вошла важная старая барыня.

— Мишель, надобно Василя выпороть! Намедни он плясал неприлично. А теперь поет ни свет ни заря. Думаю, пьян, каналья!

— Слушаю, маменька. Однако ж позволю себе заметить...

— Ах, что и замечать, мон шер!.. Непременно его выпороть нужно!

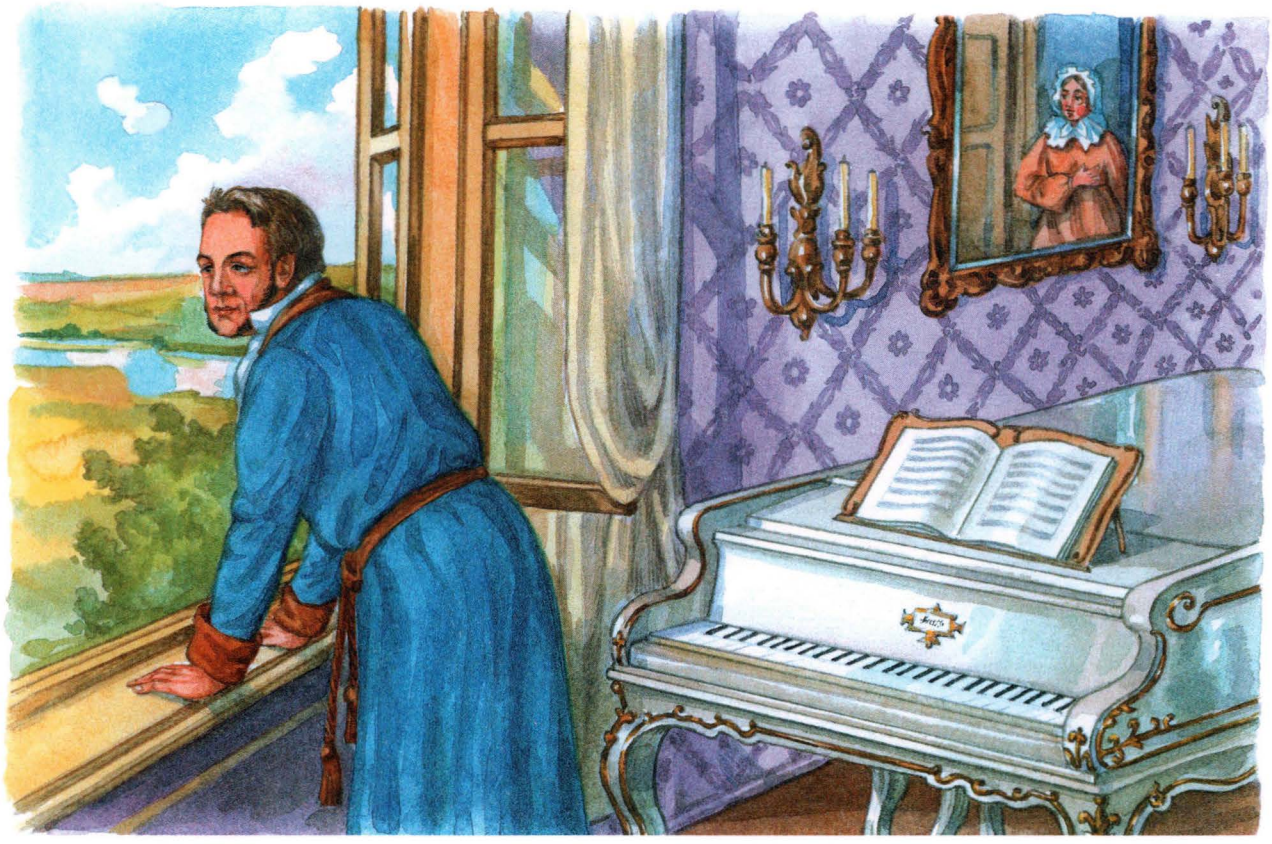
Старая барыня ушла. А композитор Глинка (а это был он), вместо того, чтобы звать слуг, поманил Василя пальцем. А когда Василий подошел, сказал ему что-то шепотом.

— Будет сполнено, ваша милость! — радостно крикнул дворовой и вмиг куда-то пропал.

Не успел Михайло Иванович дописать нотную строчку, как в саду снова послышался шум и визг. Михайло Иванович снова подошел к окну.

За визгом раздался свист. И вместо Василия выскочила в сад громадная рябая свинья. Барин от неожиданности даже отпрыгнул в сторону. Но тут же вслед за свиньей выскочил в сад и сам Василий.

— Куда, куда, Хаврютка! — закричал Василий. А затем с гиком и свистом прошелся по аллее вприсядку и запел.



Он пел так озорно, что начал подтанцовывать и Михайло Иванович.

Тем временем дворовой мужичонка разошелся вовсю. Он выделывал такие коленца, какие не снились и записным танцорам! Внезапно Василий ухватил свинью за морду, потом поднял за передние ноги и завертел ее в пляске.

— Ах ты, сукин сын, камаринский мужик! — припевал и подтанцовывал уже и сам барин.

— Точно так! Мы из волости кама-кама-камаринской! — выкрикивал на мотив песни Василий.

Тут дверь в залу отворилась и снова вошла старая барыня.

— Мишель! Я позабыла тебе сказать... Ах какое свинство! Какой пассаж! — глянув в сад, воскликнула она.

Василий, увидев барыню, тут же петь-плясать перестал. Но вместо того чтобы сигануть в кусты, он вскочил на свинью и с гиком помчался по дорожке.

— Куда это он? — прошептала барыня.

— На конюшню-с. Василий дело знает! Подурачился, а там и наказанье принять готов. Только пороть я его, маменька, приказу не отдам.

«Из-за гор, гор высоких», — донеслась откуда-то из-за заросшей камышом Десны песня.

— Он ведь, маменька, свадьбе радовался! Теперь девок раззадорит. Петь и плясать девки до вечера будут. А я зевать не стану. Все запишу! Я ведь вам, давно сказывал: музыка —душа моя!

— Ну как знаешь, Мишель, — все еще серчала на сына старая барыня. — А я, пожалуй, сосну чуток.

Пугливо оглядываясь на распахнутое окошко, словно ожидая снова увидеть рябую свинью или непокорного Василия, барыня вышла.

Михаил Иванович сел и, закрыв глаза, больше уже ни о чем на свете, кроме звучащей песни, думать не мог...

Михаил Иванович Глинка

1804 год. 20 мая в селе Новоспасском Смоленской губернии родился Миша Глинка. Первые годы он провел в имении отца, капитана в отставке. Здесь он узнал и полюбил русскую народную песню, сказки крепостной няни Авдотьи Ивановны.

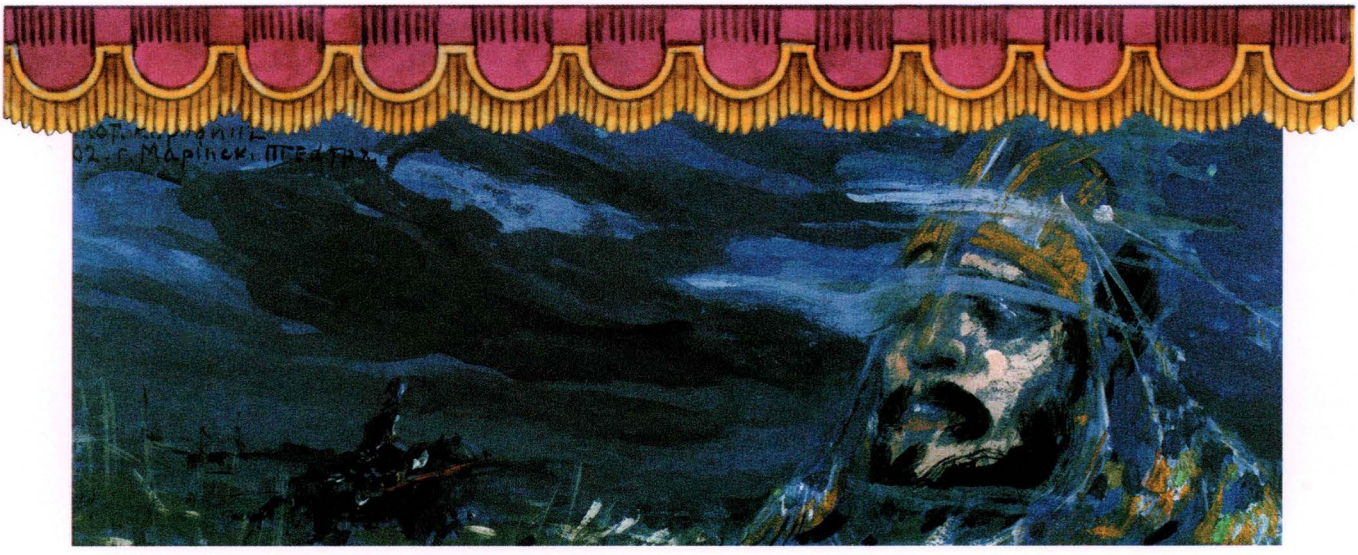
1812 год. Спасаясь от армии Наполеона, семья Глинки покинула имение. У дяди, жившего неподалеку, был хороший оркестр крепостных музыкантов. Со скрипкой или флейтой Глинка присаживался и по слуху играл с ними. Учился он легко. Особенно проявлял способности к языкам и рисованию.

1817 год. Мишу определяют в Благородный пансион при Главном педагогическом институте в Петербурге. Преподают ему Куницын, один из любимых учителей Пушкина, и Кюхельбекер — друг Пушкина. Все пять лет Михаил серьезно занимается теорией музыки и фортепианной игрой, успешно изучает языки: латинский, французский, немецкий, английский и персидский. Часто бывает в театре. Во время летних каникул занимается с крепостным оркестром дяди.

1822 год. По окончании пансиона Михаил Иванович становится чиновником Главного управления путей сообщения. Но вскоре он выходит в отставку. Знакомится в Петербурге со многими выдающимися людьми своего времени. Бывает на вечерах у поэта Дельвига, знакомится с Жуковским, Грибоедовым и другими. К этому времени он уже автор многих фортепианных пьес и романсов.

1830 год. Глинка уезжает в Италию, «усовершенствоваться в искусстве». Там он занимается пением, часто бывает в опере, знакомится с лучшими певцами и композиторами, сочиняет арии в итальянской манере. Прожив в Италии четыре года, едет в Германию.

1834 год. Берлин. Там Глинка берет уроки у известного теоретика Зигфрида Дена, пишет романсы «Венецианская ночь», «Победитель», «Патетическое трио» для фортепиано, кларнета и фагота, другие произведения. Возвратившись на родину, начинает писать оперу «Иван Сусанин». Сначала опера называлась «Жизнь за царя», в ней Глинка прославлял героический подвиг простого крестьянина, пожертвовавшего жизнью во имя Родины.



К. Коровин. «Руслан и Людмила». Эскиз декорации

1836 год. Поставлена опера «Жизнь за царя» на сцене. В течение трех лет Глинка проработал в качестве капельмейстера в Придворной певческой капелле. Михаил Иванович начал сочинять свою первую русскую сказочно-эпическую оперу на сюжет поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». Эта опера проникнута величием былинного эпоса, патриотизмом, народной героикой. Работа над оперой продолжалась около пяти лет. В это время он также пишет романсы: «Ночной смотр», «Я помню чудное мгновенье», «Ночной зефир», «Сомненье», «Жаворонок», а также «Вальс-фантазию» для фортепиано.

1842 год. Премьера оперы «Руслан и Людмила».

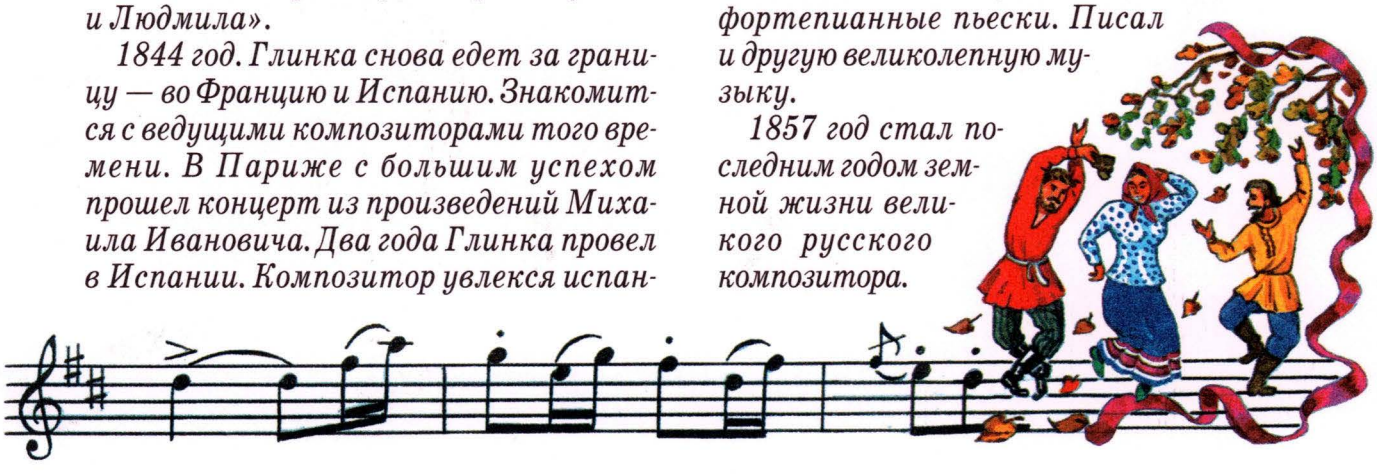
1844 год. Глинка снова едет за границу — во Францию и Испанию. Знакомится с ведущими композиторами того времени. В Париже с большим успехом прошел концерт из произведений Михаила Ивановича. Два года Глинка провел в Испании. Композитор увлекся испанской народной музыкой, познакомился с испанскими народными музыкантами, певцами и гитаристами, он даже выучился танцевать с кастаньетами.

1845 год. Глинка пишет замечательное симфоническое произведение — концертную увертюру «Арагонская хота».

1848 год. По возвращении в Россию Михаил Иванович пишет увертюру «Ночь в Мадриде» и симфоническую фантазию «Камаринская» на темы двух русских песен: свадебной лирической и бойкой плясовой.

Последние годы Глинка жил то в Петербурге, то в Варшаве, Париже, Берлине. Для своей племянницы Оленьки (дочери младшей сестры Людмилы Ивановны Шестаковой) он сочинил детские фортепианные пьески. Писал и другую великолепную музыку.

1857 год стал последним годом земной жизни великого русского композитора.



НА СВЯТКАХ

Грянули святки. Кто ни проедет по улице — поскрипывает морозцем, словно новенькой конской упряжью! Январь пахнет патокой и свечным воском. Запах декабрьский — запах картечи и пороха — пропал, выветрился. Весь Петербург поет, корчит рожи, подтанцовывает. А ведь еще недавно, после выстрела на Сенатской площади, никто и носа на улицу не показывал...

Но сейчас — веселье!

Вот и у чиновника Государственного коммерческого банка Сергея Николаевича Даргомыжского — маскарад. Да не простой — литературный! Придумала такой маскарад хозяйка дома Марья Борисовна. Ей усердно помогают дети: Эраст, Людмила. И конечно, двенадцатилетний Саша, будущий композитор, — маленького роста, большеголовый, белокурый и хрупкий мальчик. Он очень любопытен, но и мнителен: тянется к обществу и побаивается всех.

А вместительная зала полна ряженых. Они одеты в необычные костюмы, на лицах у всех черные или серебряные полумаски. Ряженые изображают столичные альманахи и журналы. В руках держат огромные картонные книги, наперебой выкрикивают строчки из стихов, статей. Но вот постепенно порядок налаживается.

Комедия масок началась! Сюжет ее довольно прост! «Инвалид» во фраке, «Вестник Европы» в коротеньких панталонах задирают одинокую и тощую «Полярную звезду», одетую звездоче-

том. Звездочет этот в колпаке и с подзорной трубой. Особенно усердствует «Пчела» в клетчатых брюках. Толстая, черно-золотая, бранчливая, она гудит, подпрыгивает, пытается ужалить «Полярную звезду» прямо в лоб. Но тут вбегает кто-то длинный-предлинный, представляющий журнал «Мнемозина», и здоровенной хлопушкой для мух гонит «Пчелу» к нарисованному на картонной стене окошку. «Пчела» со всего размаху врезается в окошко, проламывает его и под общий хохот исчезает под упавшей картонной стеной.

Маски вновь разбредаются по зале, паясничают, поют. Вдруг сзади Саши кто-то стал читать стихи:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы...

Саша оборачивается. Этих строк он никогда не слышал! Саша давно уже переехал с родителями из Тульской губернии в Петербург. И за всеми стихотворными новинками следит исправно. Слух на стихи у него чуткий. Он ловит каждое слово, и с каждым словом сердце его бьется все сильнее и сильнее. Стих — поразительный! Но вдруг невысокий толстенький человек в маске арапа, читавший стихи, замолкает и быстро исчезает в толпе масок. Замолкают и остальные читающие. А некоторые из масок тут же поднимают перед собой большие картонные листы. На одних листах крупно написана буква «Ш». На других — «Ф». Что означают буквы «Ш» и «Ф», Саша знает. Подслушал сегодня ненароком родителей, которые говорили «филер»

и «шпион», обещая этого, на букву «Ф», проучить.

Ага, вот и он! Наискосок через залу шествует столоначальник Департамента Просвещения Адуев. Он не глядит на маски, не глядит и на картонные листы. Он ухмыляется. Он и так все знает! И кому надо о вольнодумстве на вечере у Даргомыжских доложит!

Саша от огорчения даже топает ножкой. Противный Адуев! Из-за него оборвал стихотворение толстенький арап. Мелодия этого стиха не дает Саше покоя. Он обязательно положит его на музыку, хоть учитель и не позволяет делать этого. Он напишет простую и правдивую музыку. Конечно правдивую! Ведь без правды для Саши музыки нет.

— Молодой человек! — кто-то легко хлопнул Сашу по плечу. — Хотите дослушать конец?

Саша испуганно кивает, и сквозь гудящую залу на него снова плывут стихи. Может, это даже и не стихи, а сама музыка поэзии:

Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман...

— Да вы, я вижу, вовсе и не слушаете, — говорит молодым и задорным голосом толстенький арап. — Даром я только стараюсь! — арап звонко смеется. — Зато я слышал, как вы сегодня на фортепьянах играли. Великолепно, надо сказать! А я вот тоже... Стишками забавляюсь... Рифмы для меня — пустяк. А позвольте представиться: Пушкин! — звонко выкрикнул арап, и Саша от неожиданности сел в кресло... Он увидел выставленную вперед ножку в коричневых, до колен, панталонах и бледном чулке, и от страха, что с ним беседует великий поэт, о котором шепотом говорят по вечерам родители, закрыл глаза.

— Ну Левушка, ну разбойник! — доносится как сквозь вату до Саши. — Сейчас же приведи молодого человека в чувство! Добро бы нас пугал!

— И то. А еще мужчина, боец. Сразу в обморок... — голос толстенького арапчонка стал строгим. — Молодой человек! Вы ведь меня не дослушали! Позвольте-ка еще раз, полностью, так сказать, представиться. Пушкин. Лев Сергеич. Брат поэта. Хотите еще что-нибудь из наших с Александром новых стихов прочту? — в голосе арапа слышится веселое бахвальство. И Саша, с облегчением открыв глаза, поспешно кивает: он хочет, конечно хочет!

— Да нет. Пожалуй, хватит. А то брат еще голову отъест. Он страсть не любит, когда я наши новые стихи читаю. Ну что ж. Буду к вам захаживать, — покровительственно заканчивает юный Лев Сергеич. — Да и вы меня не забывайте. Отпроситесь у маменьки — и после святок к нам с Яковлевым. Будем меняться! Вы нам свою музыку. Мы вам стихи. Идет? Кстати, а правда ль, что музыка выше стихов? И насколько? Подумайте об этом до будущей встречи, прошу вас!

Важной походкой Лев Сергеевич отходит к снующим и мелькающим маскам.

Вскакивает и кидается к себе в комнату и Саша.

Что тут думать? И о чем? Только в смешении стиха и музыки и есть музыкальная правда! Он сегодня же об этом запишет в своем дневнике. А завтра скажет об этом французу-воспитателю мосье Мажи и своему учителю музыки Платону Николаевичу. А еще лучше ничего не говорить, а просто сыграть им и сегодняшнюю встречу, и треск маскарада, и бормотанье смешного толстячка Льва Сергеича. Саша закрывает глаза...

Треск маскарада, запах воска, снежный, только что ставший отходить от декабрьского бунта Петербург, музыка, стихи, зима, Россия, забытье, сон...

Александр Сергеевич Даргомыжский

1813 год. Саша родился в селе Даргомыж (Троицком) Тульской губернии. Как раз после изгнания Наполеона из России.

1817 год. Семья Даргомыжских переехала в Петербург. Там отец Саши служил в коммерческом банке. Мать, Марья Борисовна, занималась воспитанием детей, была очень одаренной и образованной женщиной. С семи лет стали обучать Сашу игре на фортепиано, а старшего брата Эраста на скрипке. К 10 годам Саша сочиняет пьески для фортепиано и романсы.

К восемнадцати годам Даргомыжский был уже автором многих сочинений для фортепиано, скрипки, двух квартетов, кантат и романсов.

1835 год. Александр Даргомыжский встретился с Михаилом Глинкой. Они подружились и часто музицировали вместе. Тогда же Александр Сергеевич начал работать над оперой «Эсмеральда» на сюжет романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери».

1841 год. Даргомыжский закончил оперу «Эсмеральда». Написал кантату «Торжество Вакха» на слова Пушкина. Но особенно охотно сочинял он романсы. К тому времени стал признанным в Петербурге преподавателем пения.

1844 год. Даргомыжский едет за границу: в Берлин, Брюссель, оттуда в Париж, Вену. Не понравилась Александру Сергеевичу заграница. Он даже в одном письме написал: «...Нет в мире народа лучше русского и... ежели существуют в Европе элементы поэзии, то это в России». А по возвращении на родину приступает он к созданию оперы «Русалка» на сюжет драмы Пушкина. Пишет и превосходные романсы на стихи М.Ю. Лермонтова и других.

1848 год. Александр Сергеевич пишет оперу-балет «Торжество Вакха», в основу которой легла его кантата.

1853 год. Состоялся концерт из произведений Даргомыжского. Успех превзошел все ожидания. Горячий прием со стороны публики и музыкантов вызвал у композитора прилив творческой энергии.

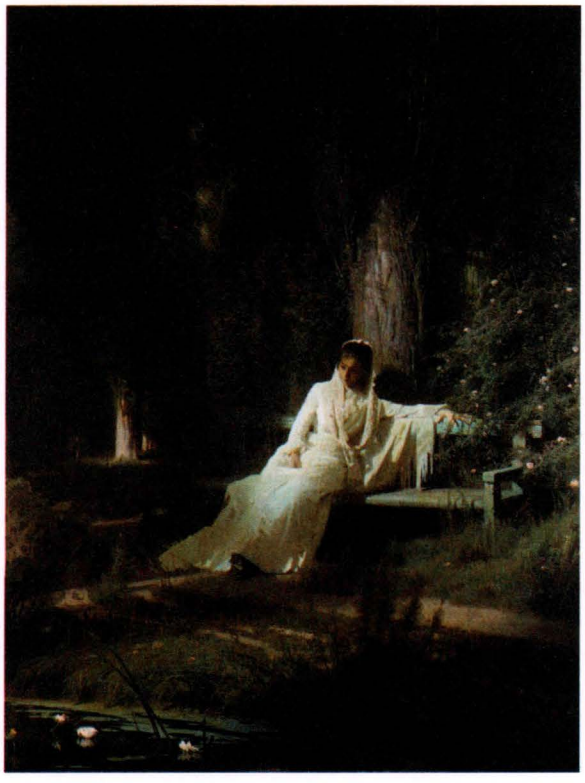
1856 год. Премьера первой русской оперы — психологической бытовой музыкальной драмы состоялась. Композитор блестяще справился с основной задачей оперы — рассказать музыкальным языком о судьбе простой русской девушки, обманутой и брошенной богатым князем.

В конце 50-х годов принимает участие в работе сатирического журнала «Искра». Пишет драматическую песню «Старый капрал» и сатирическую «Червяк» на стихи французского поэта Пьера Беранже.

В 60-е годы сочиняет оперу «Каменный гость» по драме Пушкина, шутку-фантазию для симфонического оркестра «Баба-Яга», фантазию «Малороссийский казачок», «Чухонскую фантазию». Композитор использует в этих произведениях народные мелодии. Занимается Александр Сергеевич и общественно-просветительской деятельностью как член комитета Русского музыкального общества.

В. Серов. «Русалка»

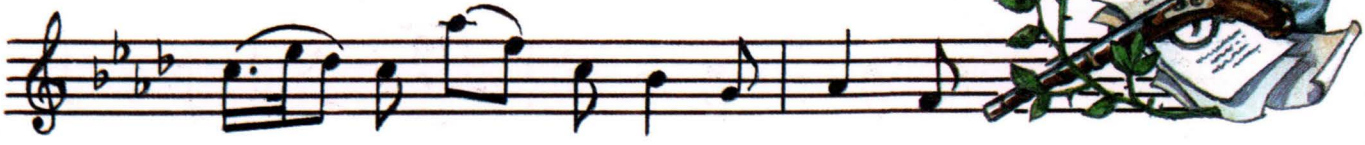
И. Крамской. «Лунная ночь»



1864 год. Даргомыжский едет за границу, на этот раз уже зрелым композитором. Выступает со своими произведениями в Брюсселе, Лейпциге, Париже, Лондоне. Концерты проходят с огромным успехом.

1865 год. После возвращения на родину, в Петербург, композитор снова принялся за работу над оперой «Каменный гость». Сочиняет он очень много, с большим вдохновением. Дружба с молодыми композиторами Балакиревского кружка поддерживает его в творческих поисках.

1869 год. Но не суждено было завершить ему эту оперу. Жизненный путь композитора в этом году окончился. По завещанию Даргомыжского, его друзья-композиторы завершили оперу и поставили ее на сцене Мариинского театра в Петербурге в 1872 году.



ВОСКРЕСНЫЙ КОМПОЗИТОР

— Нет, ты только полюбуйся!

Высокий господин в очках и строгом сюртуке вбежал в гостиную, закружился по комнате, бросил на обеденный стол газету.

— Вот «Санкт-Петербургские ведомости»! Корреспонденция из Казани!

— Да что там такого могло случиться?

Другой господин в длинном домашнем халате испуганно привстал с дивана.

— Нет, ты читай, читай!

— Ну изволь, прочту.

«В Понедельник 20 августа сего, 1873 года произошло открытие четвертого съезда российских естествоиспытателей и врачей. Зала университета была убрана растениями...»

— Ну так что ж? Ничего смертельного здесь не вижу.

— Ты дальше читай!

— Изволь: «Из списка видно, что число членов съезда простиралось до 150 человек. В том числе — 39 приезжих. Из последних назовем профессора Медико-хирургической академии Александра Порфирьевича Бородина...»

— Так вот где наш Бородин отыскался! В Казани! Он ведь просто сбежал от нас! Спрятался! А у него здесь дела не кончены. Опера на пюпитре лежит! И не какая-нибудь — «Князь Игорь»!

— Да не кипятись, Николай Андреич. Приедет — допишет...

— Как же не кипятиться? Уж сколько лет «Князь Игорь» валяется у него на столе! И сколько раз говорил я ему: «Ты не химик, Александр Порфирьевич. Ты — композитор! Да вот пишешь только по воскресеньям...»

А тем временем сам воскресный композитор, Бородин Александр Порфирьевич, вышагивал по набережной Волги. Задувал знобящий ветерок. Снизу, из Закаспия, плыли, казалось, наисладчайшие мелодии. Какие-то лукавые невольницы слабо позванивали колокольцами, водили невидимые хороводы... Было жарко. Бородин снял шляпу и остановился. Казань ему нравилась. Восточная жизнь здесь смешивалась с русскими мотивами, вызывала в душе что-то полузабытое, давнее. Дома с зелеными крышами, пышные православные соборы, золотые мечети, тенистые татарские дворики...

Жаль было расставаться с Казанью! Ну да в Петербурге ждала профессора служба в Академии. А по вечерам и по воскресеньям — любимое дело — сочинение музыки.

«Надо будет заняться «Князем Игорем» серьезно, — подумал Александр Порфирьевич. И тут же услышал, как заезжий факир сладко заиграл-заныл на дудочке. Бородин оглянулся: из красного горшка медленно высунула голову крупная змея. Она лениво осмотрелась и, не найдя вокруг ничего интересного, снова спряталась в кувшине.

Неожиданно из-за театральной тумбы появились двое мужичков. Они были

в лаптях и держали в руках какие-то необыкновенные музыкальные инструменты. Они свистели и кривлялись, пели и пританцовывали. Что-то старинное почудилось Бородину в их напеве. Он поманил мужичков пальцем.

— Ну-ка еще что-нибудь. Из старинного, — и Бородин махнул рукой.

Один из мужичков плясал и дул в дудку. Другой водил смычком по какому-то визжащему и гудящему кузовку со струнами. Кузовок был похож на грушу. Такого музыкального инструмента Бородину видеть еще не доводилось. Он все хотел спросить у мужичка, как называется то, на чем он так ловко играет. Но какое там!

Мужички так разошлись, так расплясались, что на них стала обращать внимание и степенная публика.

Ах, Ерошка, ах, Скула, —
Ему шапочка мала!
Ах, Скула, да ах, Ерошка —
Подзадорят вас немножко!

Вдруг из-за той же тумбы неслышно вынырнул городовой. Щеки его сонно вздрагивали.

— Прекратить! Ишь безобразие развели! Вот я тя, Ерошка, — на съезжую, под стражу. А тебя в бурлаки, Скула!

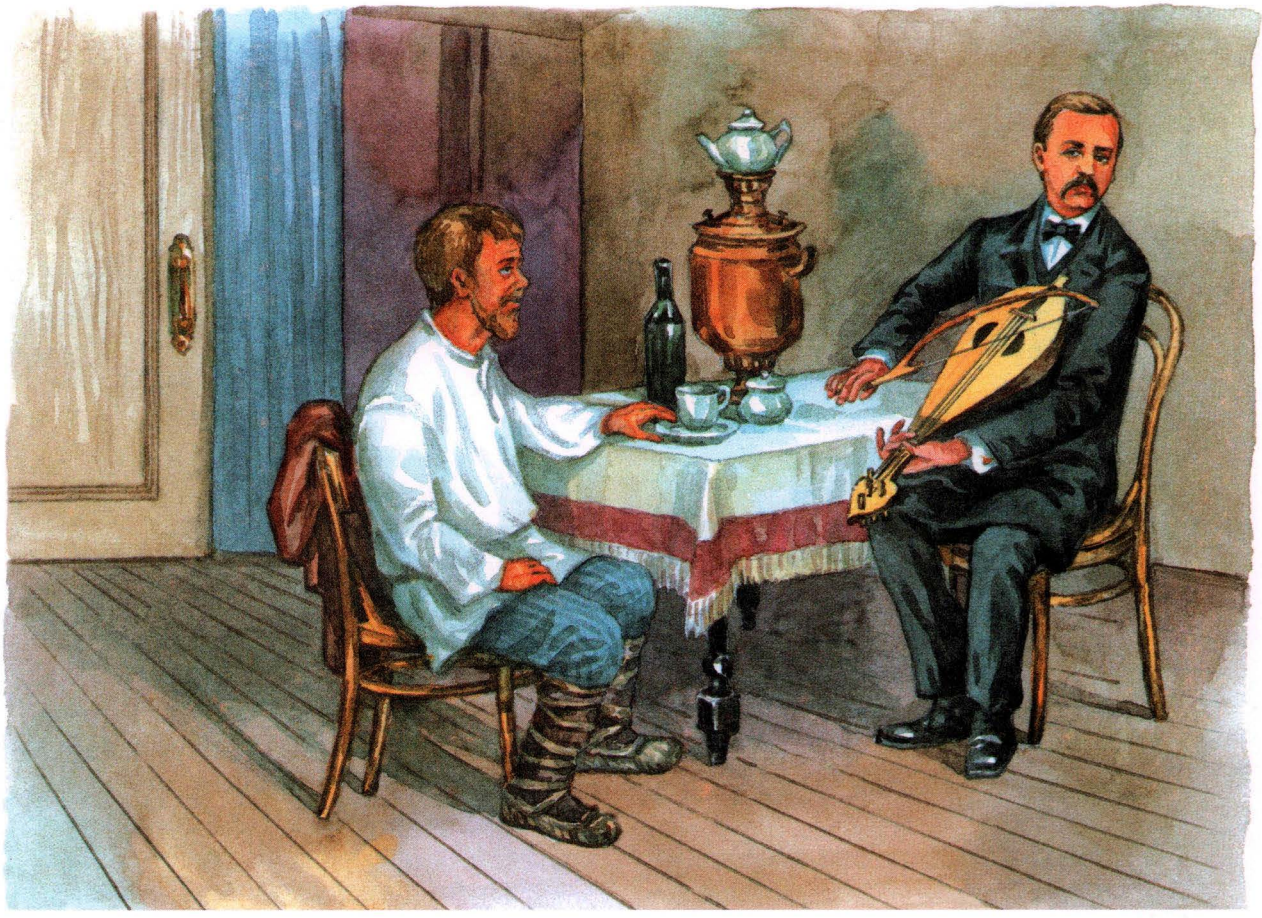
— Пусть поют, — твердо сказал Бородин. — А то совсем у нас мужичкам проходу не стало. Подойди-ка сюда, — поманил профессор городового.

— Так что, ваше благородие... Житья ведь от них нет!

— Получи, любезный, — Бородин мягко опустил что-то в лапищу городового, которого тут же как ветром сдуло.

Но настроение испортилось. Да и жара донимала тучного Бородина. Он огладил свои пышные усы и строго глянул на мужичков большими, навыкате глазами.

— Ладно, вечером ко мне приходите. Гостиницу «Бристоль» знаете? Спросите там профессора Бородина.



Вечером после плясок и песен Бородин, взяв из рук Ерошки грушу со смычком, долго ее разглядывал.

— Значит, гудок, говоришь?

— Гудок, ваша милость.

— Древний, говоришь?

— Как сама Русь! Токмо струночки новые.

— Хорошо. Продай мне, любезный. Я хорошую цену дам.

— Никак не могу, ваша милость. Кормит он меня... Да и к душе прирос. Где я еще себе такой достану? А вы в Питере, небось, и получше себе сыщете.

— Чудак-человек. Это ведь старинная вещь. Я дорого дам.

— Все одно не могу.

— Ну так спой-сыграй на прощанье.

— А вот это я как раз могу!

И пронеслась перед Бородиным какая-то старинная плясовая музыка. И полетели вслед за ней картины из будущей оперы. Представились города Путивль, Ярославль. Князь Игорь, собирающийся в поход. Представился и коварный и трусливый князь Галицкий. И эти самые Скула и Ерошка, поющие сначала что-то жалобное, а потом и что-то веселое...

А тем временем в Петербурге двое господ в гостиной продолжали спорить.

— А я говорю тебе, Модест Петрович: наш воскресный композитор совсем музыку забросил! По Казаням-Рязаням прохлаждается!

— А я говорю тебе, Николай Андреевич: и года не пройдет, как закончит Александр своего «Князя Игоря»!

— Так уж закончит...

— Вот увидишь! И ждать нам мало осталось! Вишь в газете написано: «Съезд закончился. Участники его разъехались по домам...» Стало быть, ждать нам не сегодня-завтра Порфирича назад, в Петербург!

Александр Порфирьевич Бородин

1833 год. Саша родился в Петербурге. Получил домашнее воспитание: прошел дома полный гимназический курс, усвоил французский, немецкий и английский. Овладел игрой на фортепиано, флейте и виолончели. Помимо музыки Саша увлекался естествознанием и химией.

1850 год. Александр принят в число вольнослушателей Императорской Медико-хирургической академии. На четвертом курсе академии Бородин одновременно изучал сам гармонию и полифонию. Написал трио на тему русской народной песни «Чем тебя я огорчила», скерцо для фортепиано и другие вещи.

1855 год. По окончании академии Бородин назначается ординатором Второго военно-сухопутного госпиталя. Защищает диссертацию и получает звание доктора медицины.

1859 год. Александра Порфирьевича посылают на три года в научную командировку в Германию. Он участвует в работе Первого Международного съезда химиков, в работе съезда немецких врачей и натуралистов. В Гейдельберге он познакомился с талантливой русской пианисткой Екатериной Сергеевной Протопоповой, ставшей его женой.

1862 год. Осенью Бородин возвращается в Петербург. Его назначают профессором на кафедре химии Медико-хирургической академии. В этом же году он становится членом Балакиревского кружка.

1867 год. Закончена Первая симфония. Написаны песни-сказки «Спящая княжна», «Морская царевна», могучая «Песня темного леса», драматическая баллада «Море», лирические романсы «Отравой полны мои песни» (на слова Гейне), «Фальшивая нота». Выступал с докладом на съезде русских естествоиспытателей в Петербурге.

1869 год. 4 января в Русском музыкальном обществе исполнена Первая симфония Бородина. Начало работы над оперой «Князь Игорь», длившейся много лет.

1872 год. Участвует в работе Русского химического общества, съезда естествоиспытателей и врачей. Преподает курс химии на высших женских курсах при Императорской медико-хирургической академии.

Н. Рерих. «Поход Игоря»

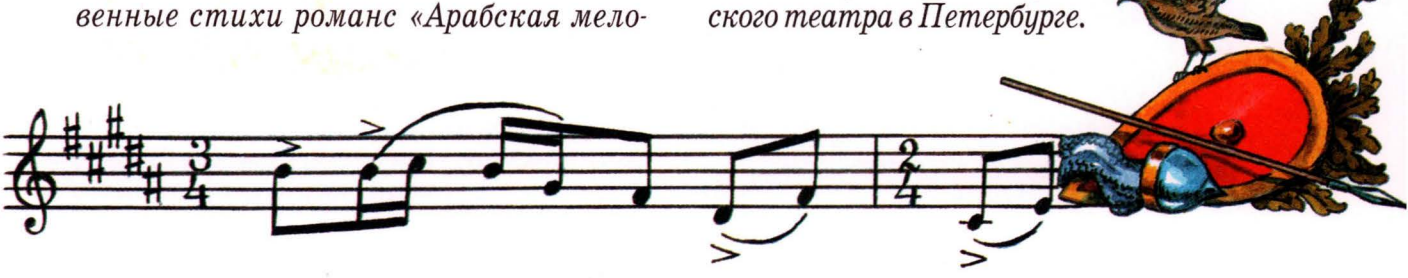
1874 год. Начинает работать над Первым квартетом, продолжает писать музыку оперы «Князь Игорь».

1877 год. Бородин познакомился со знаменитым венгерским композитором и пианистом Ференцем Листом. По инициативе Листа первая симфония Бородина была исполнена с огромным успехом на музыкальном фестивале в Баден-Бадене. 26 февраля в концерте Русского музыкального общества исполняется Вторая симфония, впоследствии названия «Богатырской». Бородина избирают академиком Императорской медико-хирургической академии.

1880—82 годы. Закончена симфоническая картина «В Средней Азии». Бородин пишет романс на стихи Пушкина «Для берегов отчизны дальней» и на собственные стихи романс «Арабская мелодия». Продолжается работа над Третьей симфонией.

1885 год. Симфонии и квартеты композитора завоевывают мировую славу и становятся популярными в Европе и Америке. Тогда же созданы «Маленькая сюита» для фортепиано, «Серенада четырех кавалеров одной даме» (на стихи самого Александра Порфирьевича).

1887 год. 15 февраля. Утром этого дня Бородин сочиняет финал Третьей симфонии, но записать его не успевает... Не успел он завершить и оперу «Князь Игорь». Ее закончили композиторы Глазунов и Римский-Корсаков, по памяти и по наброскам они восстановили недостающие места. Премьера оперы состоялась в 1890 году на сцене Мариинского театра в Петербурге.



ЮРОДИВЫЙ

Летом на мызу Минкино, где гостил Модест Петрович Мусоргский, частенько захаживал юродивый.

Мызой — небольшим имением — владел брат Мусоргского Филарет. В этих северных русских местах, близ Торопца и Кром, было много диковинного, тайного. Просыпались весной лешие, кричали кикиморы, плескали хвостами в лесных реках русалки, важно шествовали староверы. Был и свой юродивый.

Темнолицый, всклокоченный, худой, с синими, точно перезрелые сливы, губами, был он жалок. Но был и страшен. Деревенские сорванцы над юродивым всегда потешались. А вот люди постарше встречали его с опаской и уважением. Они-то знали: юродивый — это вовсе не сумасшедший. Юродивый — человек Божий. Он, когда надо, и от колдуна защитит, и другую злую силу отгонит. Но больше всего ждали предсказаний юродивого. Их заранее боялись. Стоило деревенским услышать его бессвязное бормотанье, как они преображались. Куда только пропадали их дурашливость и беспечность! В страхе замирали на месте мужики и бабы. Даже случавшиеся рядом господа (тоже желавшие узнать свое будущее) опасливо переглядывались.

И вот однажды, когда сидел Модест Петрович за фортепиано, внимание его привлек шум во дворе. Выйдя на крыльцо, увидел Мусоргский юродивого. Тот выхаживал вокруг молодой красавицы крестьянки и что-то плаксиво бормотал. Может, впервые застыдился он своего убожества, которое всегда выставлял напоказ! Может, впервые понял: самого лучшего в нашей жизни — любви — ему, жалкому нищему, не видать!

Юродивый попытался даже погладить девушку. Но она только прыснула со смеху, убежала. А юродивый продолжал в нерешительности топтаться на месте. И тут на полуголого нищего налетела ватага мальчишек.

— Дядь, а дядь! — кричали они. — Подари ухо, дядя! Покатайся на палочке! Да поешь мясца скоромного!

Модест Петрович хотел было отогнать огольцов прочь. Но вдруг совсем иная мысль пришла ему на ум. Он резко развернулся и кинулся в дом. Лицо Мусоргского вдруг стало серьезным. Он запахнул свой длинный, полосатый, уже засаленный халат и стал по-военному четко, но при этом и чуть горбясь, вышагивать по кабинету.

Все последние месяцы он думал о Борисе Годунове. О том страшном и великом времени, когда царствовал Борис. Думал и о замечательной пушкинской

трагедии. И втайне от всех мечтал написать на ее сюжет оперу. И когда один из петербургских друзей предложил заняться «Борисом» — сразу согласился. Друзей своих Мусоргский любил. Даже жил с ними в одном доме, в одной комнате, словом, в одной «коммуне». И всегда к тому, что говорят друзья, прислушивался. Но ни друзья, ни сам композитор не знали, как к такой сложной опере подступиться... А у Пушкина в трагедии как раз был юродивый. «Но у Пушкина одно, а в жизни, наверное, совсем другое!» — так думал композитор. Только из живой жизни надобно было переносить в оперу и юродивого, да и всех остальных действующих лиц. И вот — случай!

Композитор опять вышел во двор. Там мальчишки продолжали задирать юродивого. Увидев барина, он кинулся к нему. Вид нищего был теперь уже не жалкий, а злобный. Полуголый и босой, со взбитым колтуном волос, со сломанной зеленой веточкой в руках, он показался Мусоргскому похожим на колдуна.

— Барин, барин! Утопи их! Уу-ааа! Утопи мальцисек! А не то они веточку мою заберут!

«Ишь ты, злобный какой», — подумал про себя композитор. Вслух же хотел крикнуть мальчишкам: «Ужо я вас!» Но вдруг услышал далекий, тягучий удар колокола.

«Эге! — прикрыл глаза Мусоргский. — Праздник сегодня, что ли? Что-то не ко времени звонят... А может, утоп кто? Вот и звонят, думают, тело всплывет...»

Колокол ударил еще и еще. И вслед за его мощным голосом поплыла какая-то, пока никому не известная музыка. Она плыла, смешиваясь с причитаниями юродивого, и от этого становилась причудливой, необычной. И еще почу-

дилось композитору, будто поют грозную, но и забавную народную песню два грубоватых монаха — рыжий да лысый. А за песней несется глуховатый гомон толпы: «Смерть царю Борису! Детоубийце смерть!»

Но тут же музыка становится тише, и мир пустеет. Слышатся лишь дальние удары набатного колокола. А где-то на севере вспыхивает в полнеба зарево пожара. И еще показалось закрывшему глаза композитору: будто присел на огромный валун кто-то похожий на сегодняшнего юродивого. Немытый, нечесаный. И запричитал. Кругом тишь зловещая, плывет над землей чад, кто-то кричит по-польски, а затем визжит по-поросячьи. А юродивый сидит себе, причитает:

Лейтесь, лейтесь слезы горькие,
Плачь, плачь, душа православная.
Скоро враг придет и настанет тьма,
Темень темная, непроглядная...

Мусоргский открыл глаза.

— Так утопишь, барин? Мальцисек утопишь?

Все так же слюняво плакался и дергал Модеста Петровича за рукав цветастого халата юродивый.

Но теперь он был совсем не страшен. Опять стал несчастным и жалким... И мальчишки, почувствовав эту жалость юродивого и увидев, что барину не до него, погнали несчастного к пруду. Они бежали и улюлюкали! И бедный юродивый свалился-таки в воду. Но тут же и вынырнул. В волосах его запутались какие-то водоросли. И стал юродивый похож уже не на самого себя, а на какого-то водяного.

— Я вот вас на конюшню! — крикнул композитор и кинулся в дом. Сначала он хотел прямо на нотной бумаге обозначить длину звучания и высоту колокольного звона. Хотел распределить по тактам и нотным строчкам вой толпы, храп лошадей, ругань поляков, что пришли на Русь во времена Годунова. Но потом и бумагу, и карандашик смахнул на пол, откинул крышку фортепиано и взял одновременно двумя руками страшный и гневный аккорд. Тяжко зарокотали под пальцами левой руки басы бояр. Тенорком запричитали под правой рукой бабы с ребятишками...

Опера «Борис Годунов», невиданная, не похожая ни на какую другую в мире оперу, началась...

Модест Петрович Мусоргский

1839 год, 9 марта. Модест родился в селе Карево, Псковской губернии, в семье помещика. Мать была первой учительницей музыки своего одаренного сына. Но, по семейной традиции, Модест должен был стать офицером.

1849 год. Мусоргский едет в Петербург, занимается музыкой у известного педагога Герке. По окончании школы гвардейских подпрапорщиков Мусоргского зачисляют в Преображенский полк.

1858 год. Мусоргский выходит в отставку, служит мелким чиновником. Много радости Модест находит в творческом общении с композиторами «Могучей кучки» — Балакиревым, Кюи, Бородиным, Римским-Корсаковым, с критиком В.В. Стасовым.

1860-е годы. Мусоргский пишет свою первую оперу «Саламбо». В камерно-вокальном жанре возникла серия «народных картинок» (определение автора), в которых зазвучала тема протеста против бесправия и нищеты крестьянства. Это «Калистрат», «Колыбельная Еремушке» на слова Некрасова.

1867 год. Композитор пишет симфоническую картину «Иванова ночь на Лысой горе» на сюжет народных преданий.

1868 год. Начинает писать бытовую оперу «Женитьба».

1868—72 годы. Время создания музыкальной драмы «Борис Годунов» по трагедии Пушкина. Начинает работу над оперой «Хованщина». Его привлекли события конца XVII века — время борьбы боярской Руси против преобразований Петра I.

1874 год. Мусоргский сочиняет «Сорочинскую ярмарку» по Гоголю. Это веселая, комическая опера. Под впечатлением выставки рисунков талантливого художника и архитектора Гартмана Модест Петрович пишет цикл фортепианных пьес «Картинки с выставки». А затем вокальный цикл «Детская».

Состоялась премьера оперы «Борис Годунов». Успех был огромен. Модест Петрович сочиняет цикл романсов «Без солнца», «Песни и пляски смерти».

1881 год. Друзья определяют Мусоргского в госпиталь, но там уже ничем помочь не могли... В эти последние дни художник Илья Репин пишет знаменитый портрет Модеста Петровича.

ПЕСНЯ ГУСЛЯРА

Николай Андреевич ехал из Петербурга в Москву. В Москве, в частной опере Саввы Ивановича Мамонтова, поставили его оперу «Садко». И хоть до этого прошли с успехом на сцене оперы «Снегурочка», «Майская ночь», «Ночь перед Рождеством», композитор все равно волновался: ведь в Петербурге ставить оперу не решились. А может, просто не захотели. Слишком вольнолюбивым был ее дух! А это не всем нравилось. Да и расходы предстояли нешуточные. Потому-то и сказал император директору своего же, императорского Мариинского театра: «Подыщи-ка мне, братец, оперу повеселей. Да и подешевле...»

А в это время в Москве, на Большой Дмитровке, у здания Частной Русской оперы толпился народ. Студенты в темно-зеленых шинелях, приказчики, молоденькие барыни в сопровождении рослых лакеев, поеживаясь от мороза, читали афишу, наклеенную на огромную каменную тумбу:

«Вторник, 30 декабря 1897 года.

Перемена!

Вместо оперы «Орфей» будет представлена опера-былина «Садко». Сочинение Римского-Корсакова».

Опера прошла всего два раза, а интерес к ней — ох как велик!

— К сегодняшнему спектаклю ждут автора из Петербурга, — говорил один высокий, с бородкой, студент другому, кругленькому и безусому. — Да вот успеет ли? Дирекция беспокоится. Не отменили бы и этого спектакля.

А в самом театре, за кулисами, близ наглухо затянутой занавесом сцены тоже суета. Зная, как строг бывает к исполнению своих опер композитор, мечется как угорелый Савва Мамонтов. Он снует вдоль поврежденных кем-то декораций, изображающих берег озера и кричит:

— Да где же, черт побери, этот маляр Врубель! Скажите ему, чтоб шел немедля сюда, накладывал новый холст, закрашивал дырку в камышах! Да пусть художника Коровина с собой прихватит! Одному ему камыш не закрасить!

— Савва Иванович! — подкатывается к директору колобком человек в коротеньком фраке. — Шестеро хористов заболели! Инфлюэнца! А новые — партию хора из

второго акта наизусть не знают-с! Что делать? Провал! Провал! Николай Андреевич изничтожит!

Добродушный Савва Иванович на миг приостанавливается, щурится, трет круглую седоватую бородку.

— А вы вот что... — озабоченность вдруг спадает с его лица. — А вы столы пиршественные из второго акта к хористам вплотную придвиньте. И на столах перед каждым ноты разверните!

— Помилуйте, Савва Иванович! Получится, словно меню в ресторации!

— Какая там ресторация! — машет рукой уже хохочущий Савва. — Береста! Берестой новгородской — вот чем эти ноты у нас будут!

Здесь к директору Частной оперы торжественным шагом приближается служитель, по случаю постановки оперы одетый в костюм новгородского боярина. Служитель издалека возвещает:

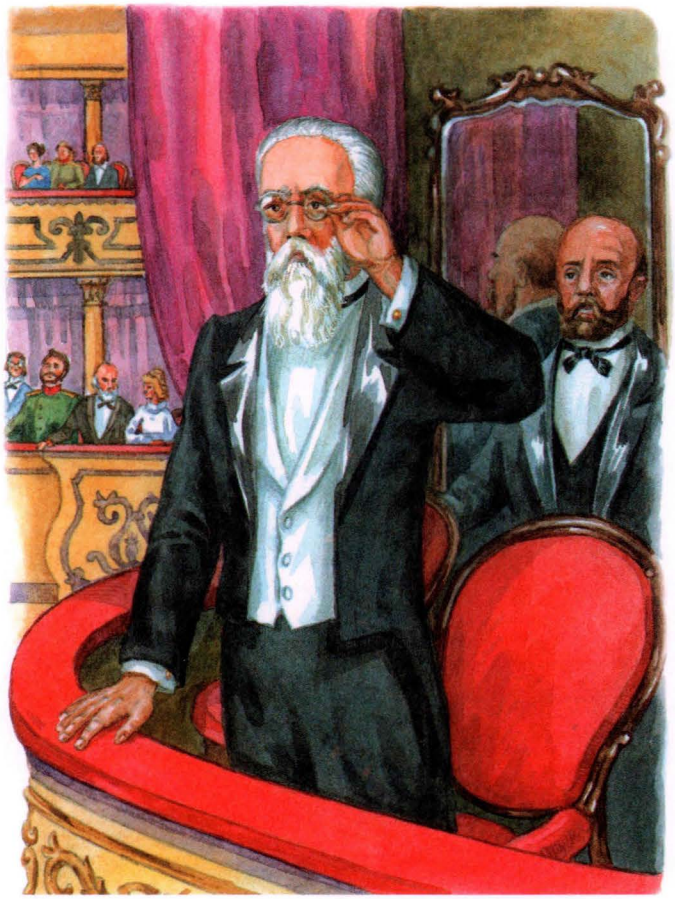
— Господин Римский-Корсаков прибыли-с!

— Ах ты, боже мой! — Савва Иванович враз бледнеет, срывается с места, торопится встречать дорогого гостя...

Через несколько минут все в здании оперы успокаивается, плавно в стороны расходится занавес — и гремит, и буйствует уже на сцене честной пир. Простодушные, а по временам и хвастливые богатыри вместе с купцами осушают гигантские кубки и чаши, совершают подвиг винопития. Об остальных подвигах они, кажется, начисто позабыли...

Кабы была у меня золота казна,
Кабы была дружинушка хоробрая —
Не сидел бы я сиднем в Новегороде,
Не пировал бы день и ночь,
не бражничал...

Они поют, и мощная, переливающаяся из оркестра в хор, как море-океан, музыка захватывает всех. И никто даже не замечает, что один из богатырей вышел на сцену в черных остроносых туфлях. А другой — в синих модных



брюках со штрипками. Никто не замечает, что над Ильмень-озером в камышах белеет вклеенный, но так и не закрашенный рассеянным Врубелем кусок холста.

— Поразительно! Ничего подобного не ждал! — говорит в антракте один студент другому. — Да ведь здесь настоящий, живой и непридуманный Новгород! Сама славная новгородская республика к нам в гости пожаловала!

И студенты быстро, чтобы не пропустить начало следующего акта, возвращаются из фойе в зал и замирают, слушая, как грозный Морской царь скликает своих дочерей, велит нырять им в омуты глубокие. Как бегут затем по нарисованному морю ярко выкрашенные киноварью корабли, как трогает нежные струны гусляр Садко. А тут как раз начинают петь заезжие «гости», то есть купцы: гость индийский, гость веденец-

кий, гость варяжский. И кто-то из студентов не выдерживает и кричит: «Браво, Шаляпин!» И весь зал, уже не сдерживаясь, выкрикивает неистово: «Браво! Браво!» И Федор Иванович Шаляпин, одетый грозным Варягом, чуть заметно, чтобы не прерывать оперу, кланяется...

А строгий и очень внимательный Римский-Корсаков, одиноко сидящий в царской ложе, снимает свои «двенадцатикратные» очки, трет глаза. В них, видно, что-то ненароком попало...

Тем временем все на сцене меняется: и уже плывет Садко по морю на дубовой доске. Он оставлен Морскому царю в расплату за двенадцать лет счастливой жизни. И вот Садко — на дне. И все гудящее и пляшущее подводное царство справляет его свадьбу с дочерью Морского царя.

Но вот музыкальная чудо-сказка кончается. Кончается там же, где и началась: на берегу Ильмень-озера сидит одинокий и грустный Садко. Не сон ли все, что с ним приключилось?

«Не сон ли все это? — спрашивает себя композитор Римский-Корсаков. — Здесь, в Москве, все представили так, как я и хотел».

В царскую ложу вбегает Савва Мамонтов. Сквозь дикий грохот аплодисментов и вопли «бис! бис!» — он кричит композитору прямо в ухо: «Ну вот мы и показали надменному Императорскому театру, чего стоит Частная Русская опера! Будут знать, кого у себя в Питере ставить отказались!»

В театре начинают гасить свет. Зал пустеет. И сказочный мир Римского-Корсакова угасает вместе со свечами, рассыпается на отдельные мелодии, звуки. Правда тот, кто вошел хоть раз в этот мир, останется в нем навсегда...

Николай же Андреевич спешит назад, в Петербург. Там ждет его служба в консерватории, ждут, пусть и скучноватые, но очень нужные занятия за письменным столом. Ждут воспоминания о сказочных странах, в которых он побывал во время кругосветного путешествия на клипере «Алмаз». И главное, Николай Андреевич вновь собирается вписывать в толстые, аккуратно подшитые нотные тетради свои ни с чем не сравнимые волшебные оперы.

Высокий, немного сутулящийся господин с окладистой бородой и пылающими от восторга щеками покидает театр. К нему мигом подкатывает извозчик. А вслед господину Римскому Корсакову звучит, как это всегда бывает в пустом театре, тронутая сквознячком то ли гусельная, то ли скрипичная струна...

Музыка продолжается!

Николай Андреевич Римский-Корсаков

1844 год. Коля родился в городе Тихвин Новгородской губернии. Отец его служил губернатором. Мать была дочерью крепостной крестьянки. Старший брат, которого звали Воин, был военным моряком. Музыкальные способности Коли проявились рано.

1856 год. По семейной традиции, Коля поступил в Морской корпус в Петербурге. По воскресеньям он брал уроки фортепиано, посещал концерты и оперные спектакли. Особенно ему нравились оперы Глинки.

1861 год. Римский-Корсаков знакомится с Балакиревым и его кружком «Могучая кучка». Начинает работу над своей Первой симфонией.

1862 год. Морской корпус окончен. Николай Андреевич Римский-Корсаков отправляется в кругосветное путешествие на клипере «Алмаз». Три года длилось это замечательное путешествие. Молодой морской офицер набирался новых впечатлений, наложивших отпечаток на его творчество.

1865 год. Римский-Корсаков возвращается в Петербург. Начинается напряженная творческая деятельность.

1866—70 годы. Написано много произведений: увертюра на русские темы, увертюра на сербские темы, симфоническая картина «Садко», симфоническая сюита «Антар» по восточной сказке О. Сенкевича, Вторая симфония.

1871 год. Николай Андреевич становится профессором Петербургской консерватории по классам сочинения и инструментовки и руководителем оркестра. В эти годы Римский-Корсаков составляет сборник «Сто русских народных песен».

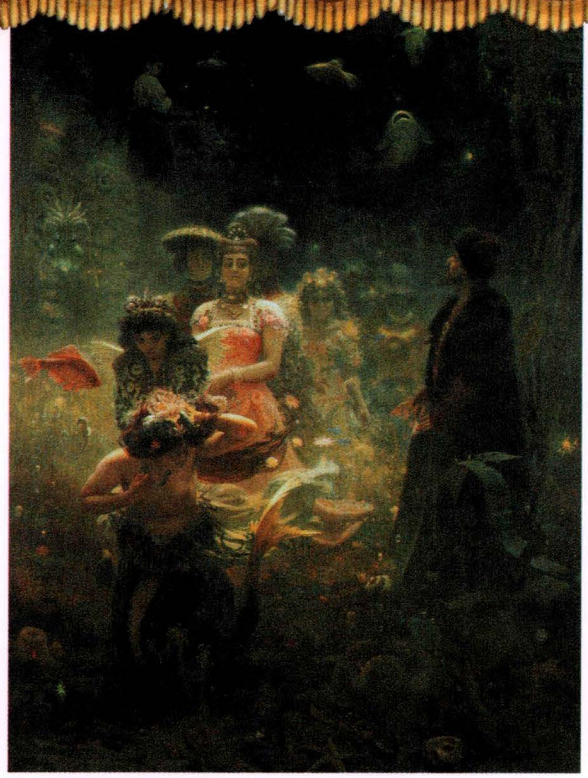
С 1873 Николай Андреевич еще и инспектор военно-морских оркестров, затем директор Бесплатных музыкальных школ.

1873 год. Поставлена его первая опера «Псковитянка» о борьбе вольных городов Новгорода и Пскова с царем Иоаном IV.

1878 год. Создана опера «Майская ночь» по повести Гоголя. В опере использованы подлинные русские и украинские народные напевы.

1880 год. Николаем Андреевичем создана опера «Снегурочка» по Островскому.

В 80-е годы Римский-Корсаков стал дирижировать симфоническим оркестром. Как и многие русские музыканты, сблизился с М.Л. Беляевым, богатым ле-



И. Репин. «Садко»

сопромышленником и горячим почитателем музыки. В доме Беляева часто устраивались концерты, на которых выступали выдающиеся музыканты и актеры. Римский-Корсаков становится руководителем Беляевского кружка.

1882 год. Вышел «Сборник народных песен», концерт для фортепиано с оркестром.

1887 год. Сочинена оркестровая пьеса «Испанское каприччио», которая принесла автору славу.

1888 год. Написана симфоническая сюита «Шехерезада».

1889 год. Выступления с концертами в Париже и Брюсселе проходят с огромным успехом.

1895 год. Создана опера «Ночь перед Рождеством».

1896 год. Опера-былина «Садко». Композитор использовал подлинные былинные напевы. Тогда же написал несколько романсов, среди них: «Редеет облаков летучая гряда» на слова Пушкина, «Мой голос для тебя», «На нивы желтые», цикл «У моря».

1898 год. Написана опера «Царская невеста». В ней рассказывается о горькой и бесправной женской доле на Руси.

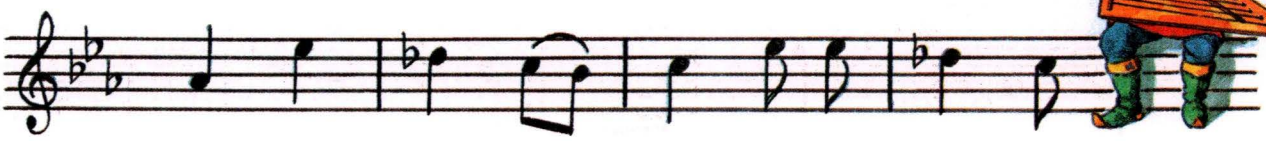
1899 год. Римский-Корсаков создает на сюжет Пушкина чудесную оперу «Сказка о царе Салтане».

1904 год. Римский-Корсаков закончил оперу «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии». Эта опера о далеких временах татарского нашествия, о добре и зле. Скрылся от врагов Великий град Китеж, несмотря на предательство, опустился на дно озера.

1905 год. Силами студентов консерватории была поставлена опера «Кащей Бессмертный». Революционные события не оставляют равнодушными ни студентов, ни Римского-Корсакова. Николай Андреевич в знак протеста против преследования студентов покидает консерваторию.

1907 год. Последняя опера великого композитора — «Золотой петушок», сатирическая сказка.

1908 год. Римский-Корсаков скончался от болезни сердца, так и не увидев на сцене свое последнее произведение.



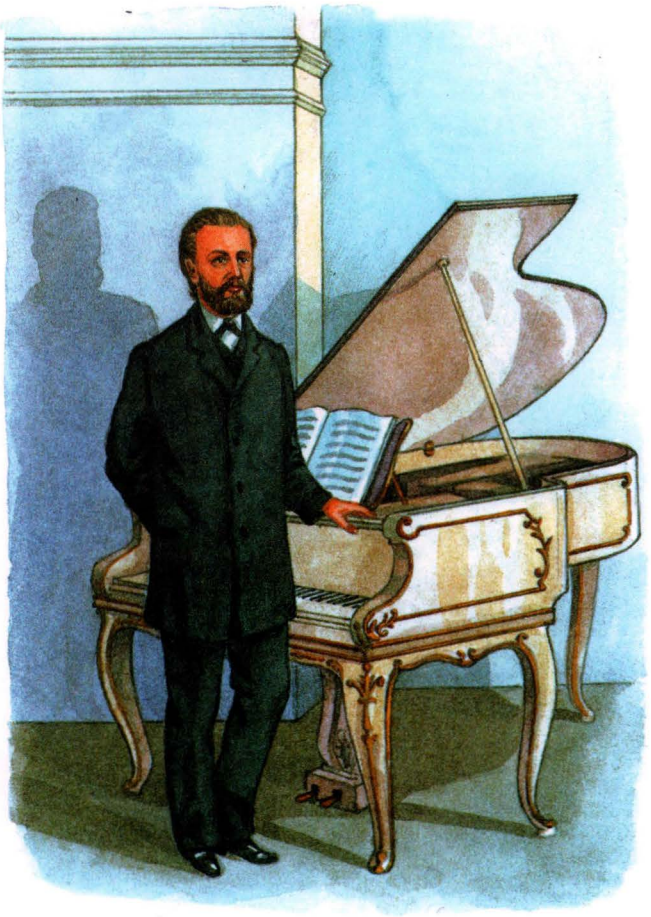
БАРКАРОЛА

Грустный человек с бородой и светлыми волосами стоит у раскрытого рояля. Кажется, он хочет присесть и что-то сыграть, но никак не может на это решиться. В откинутой крышке рояля он видит тусклые отражения. Может, это отражается в зеркальной поверхности рояля пламя толстых, чуть косо вставленных свечей, но грустному человеку (а это знаменитый на весь мир композитор Чайковский) кажется, что это отражается его жизнь. Вот мелькнуло перед ним море, золотой лев, лагуны. И вспомнил Петр Ильич, как оказался в Италии, в городе Венеции. Он не просто уехал, а убежал тогда от нелюбимой жены, от докучливых друзей, от житейских неурядиц. Убежал, потому что думал: «Вдруг здесь, в Венеции, придут новые образы и мысли? Ведь вот уже и середина жизни, а как мало сделано!..»

Но как только он оказался в Венеции, затосковал по России. Это всегда с ним случалось. Едва останется за спиной последний полосатый столб границы, как подкатят к сердцу грусть и печаль... И тут же вспомнятся и зимняя сказочная Москва, и пушистые снега, а сразу за Рождеством — лютые крещенские морозы...

Но что поделаешь? По правую руку вместо снега — дома серые. По левую — красно-кирпичные. А впереди и сзади — то вода морская, то вода каналов. Темно-зеленая, маслянистая, дрожащая в отсветах газовых фонарей... Словом — скука!

Но ведь Петр Ильич в Италию не скучать приехал. И решил он пройтись по Венеции. Но как? Тут и улиц-то настоящих нет! Одни каналы. Значит, гулять по ним можно только в лодке. Они здесь гондолами называются. У них острый загнутый нос и красивая резная корма. Правит гондолой с помощью одного длинного весла гондольер.



Вот такую гондолу недалеко от своей гостиницы Петр Ильич и нанял. И удобно устроился в середине ее, под навесом. А гондольер со своим тяжелым веслом поместился сзади.

Гондольер поет, радуется чему-то, гребет. Лодка по воде скользит. Петр Ильич по сторонам смотрит. Все вроде хорошо. Вот, попетляв по каналам, обогнув высокую колонну с крылатым львом, выплыли они в море. И здесь песня гондольера стала меняться. Из задумчивой баркаролы, какую поют все гондольеры в Венеции, она стала превращаться в какую-то разбойничью песню. Тут Петр Ильич обернулся и посмотрел на гондольера внимательней: батюшки-светы! Корсар! Настоящий морской разбойник и душегуб! Со лба красная повязка свисает. Глаза смоляные, жуткие. В правом ухе медная серьга болтается! И если до этого Петр Ильич не слиш-

ком-то слушал, о чем поет гондольер, то теперь стал слушать очень внимательно. Тем более, что по-итальянски он хорошо понимал. А гондольер, видимо, думал, что иностранец ничего не понимает: гребет себе, поет. И поет не просто песню, а как бы целую историю складывает. О том, как полюбил лодочник Джакомо девушку по имени Мария. И как захотел отнять ее у лодочника богатый судовладелец Труффалони. И как поклялся гондольер судовладельцу отомстить, а Марию, несмотря ни на что, все-таки взять в жены. Но что сделаешь в этом позеленевшем от сырости и злости городе без денег? И чтобы их добыть, остается одно — украсть. Но у кого украдешь? Рядом одни бедняки. А время не ждет! Еще немного, и достанется Мария старому, сморщенному, как компотная груша, Труффалони! Но сегодня Бог, видно, смилостивился над Джакомо. Послал ему богатого иностранца на поживу. У иностранца красивая бородка и доброе лицо. Однако его одежда и золотые часы с цепочкой стоят больших денег... И Джакомо решился — сегодня или никогда!

Гондольер пел и пел. Постепенно темнело. Лодка, сделав круг, возвращалась в город.

«Бежать! — думал потрясенный Петр Ильич. — Бежать! Но, конечно, не здесь, не в море, а где-нибудь в завитках городских каналов!»

Гребки гондольера становились все резче и нетерпеливей. Вошли в город.

«Нужно решаться, пока не поздно...» — подумал Петр Ильич.

И тут же гондола стала поворачивать в один из узких отводных ка-

налов. Блеснули отражения газовых фонарей в воде. Петр Ильич внезапно подался чуть вперед и перевалил через высокий борт лодки... Все завертелось у него перед глазами. Обожгла вода, пресеклось дыхание. А затем что-то тяжелое и страшное с шумом и звоном обрушилось на него. На минуту он потерял сознание. А очнувшись, увидел прямо над собой бешеное лицо гондольера.

— Руссо диаволо! — рычал тот, расстегивая сюртук композитора, уложенного на днище гондолы.

— Руссо диаволо!..

Но в тот же миг где-то рядом раздался резкий и властный окрик:

— Эй, на гондоле! Что у вас там происходит? Я — капитан Симпсон. Отвечайте!

Окрик раздался с берега дважды — по-английски и по-итальянски. А затем послышалось щелканье взводимых курков. И руки гондольера сразу обмякли, а лицо его отдалилось.

«Я спасен», — подумал Петр Ильич.

В гостиницу Чайковский вернулся поздно. Обеспокоенный хозяин, увидев бледное лицо и мокрую одежду гостя, всплеснул руками:

— Ах, синьор Пьетро! Что это с вами?

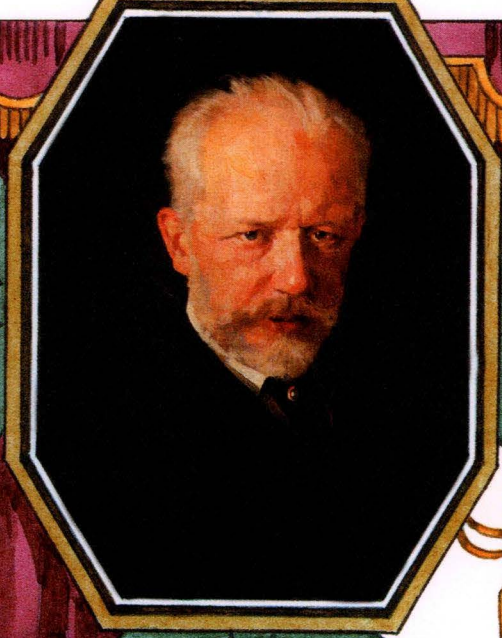
— Ничего особенного, — хрипловато и недовольно буркнул Петр Ильич и велел поскорее подавать ужин.

А после ужина пришли шарманщики. И попросили позволения исполнить несколько песен для знатного иностранца. Это были отец с дочерью. Шарманка у них была плохонькая и старая. Ручка ее вертелась с трудом.

«После песни гондольера мне не хватает только песни шарманщика!» — горько подумал композитор. Но прогонять бедолаг не стал. И они, устроившись посередине гостиничного двора, завели тихую нескончаемую песню. А Петр Ильич сидел перед раскрытым окном и думал. Думал о том, что и здесь, в Италии, не найти ему вдохновения. А может, не мы, а оно нас находит? Да и как оно выглядит, на что похоже? Не на эту ли дальнюю венецианскую башенку?

Но ведь башенку не возьмешь с собой! Не возьмешь с собой и Венецию, а вот музыку — ее взять можно. Особенно эту медленную, набегающую волной песню, которую поют под окнами бродячие шарманщики. Взять эту песню, а может, и ту баркаролу, что пел морской разбойник. Взять их и в путь, в путь! И прощай, Венеция! Каналы, прощайте! Золотой лев и крылатые лошади на соборе святого Марка, прощайте тоже! Может, в пути зазвучит наконец собственная, никем и никогда не слышанная музыка. Схлынет грусть и ляжет на нотную бумагу все, что случилось здесь, в Италии...

Вот что вспомнилось Петру Ильичу у раскрытого рояля.



Петр Ильич Чайковский

1840 год. Петя родился в Воткинске, на Урале, в семье горного инженера. Мать, Александра Андреевна, широко образованная женщина, занималась воспитанием детей и племянниц. Вспоминая о детстве, Чайковский писал позже: «...Я вырос в глуши, с детства, самого раннего, проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки...» Любимым романсом Пети был «Соловей» Алябьева.

1850 год. Семья переезжает в Петербург. Десяти лет Чайковского отдали в училище правоведения. Именно здесь он параллельно с основными занятиями, начал серьезно заниматься музыкой, которая преподавалась для желающих.

1859 год. Училище закончил, получил чин титулярного советника и место в министерстве юстиции.

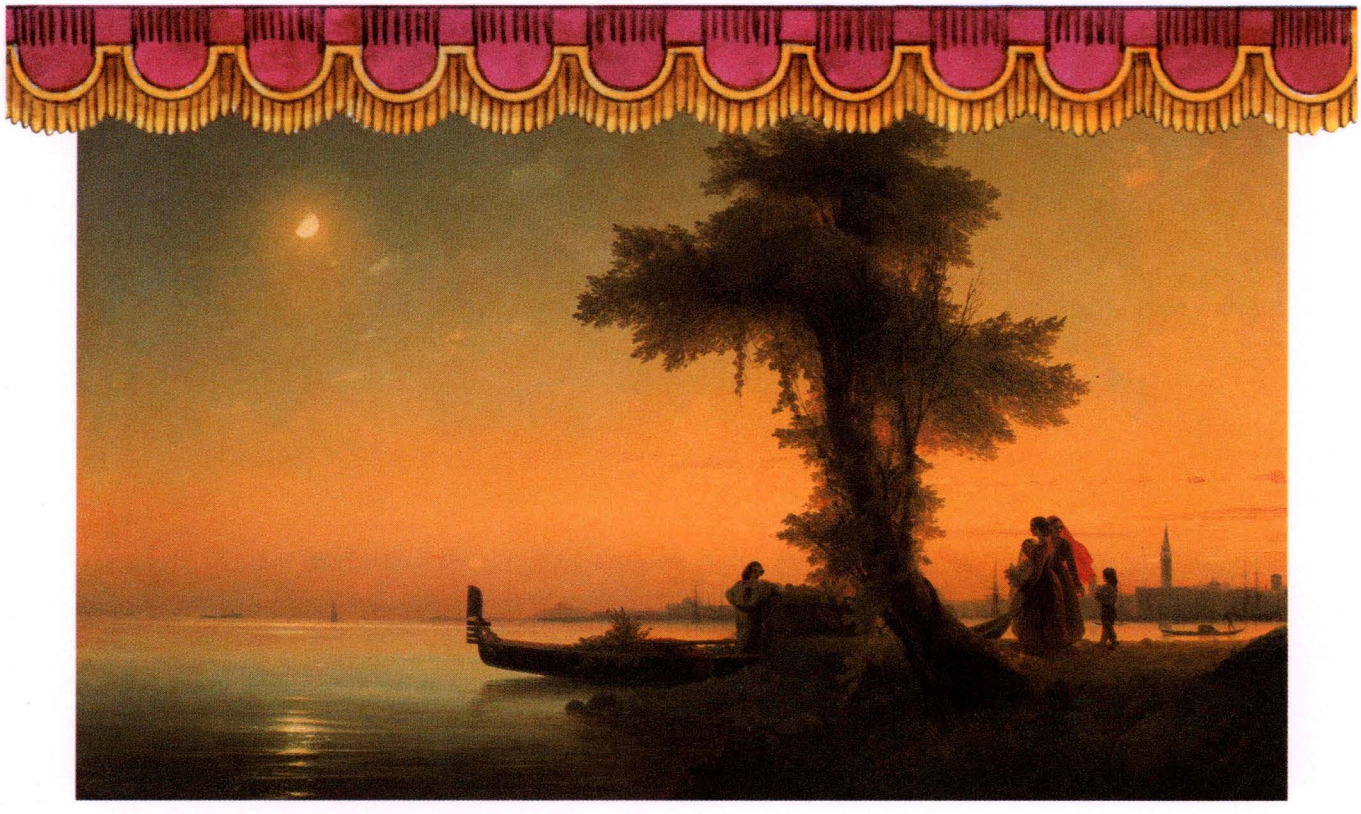
1862 год. Петр Ильич поступает в только что открытую Петербургскую консерваторию. По настоянию А.Рубинштейна Чайковский оставляет службу и посвящает себя целиком музыке.

1865 год. Оканчивает консерваторию и поступает на службу в Московскую консерваторию.

1866 год. Он пишет свою первую симфонию «Зимние грезы». Знакомится с выдающимися русскими музыкантами, литераторами и артистами. Помимо педагогической работы Чайковский также выступает на страницах газет и журналов как музыкальный критик. В последующее десятилетие им было сочинено множество произведений: увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта», Первый фортепианный концерт и «Меланхолическая серенада» для скрипки, фортепианное трио, квартеты, вариации на тему рококо для виолончели, оперы «Воевода», «Опричник», «Ундина», «Кузнец Вакула», балет «Лебединое озеро», цикл пьес для фортепиано «Времена года», много романсов.

1877 год. Петр Ильич женится. Вскоре уезжает в Швейцарию, в Кларан, где живет вместе с братом Анатолием.

1878 год. Закончена Четвертая симфония, которую Чайковский посвятил своему «лучшему другу» — Надежде Филаретовне фон Мекк. Написаны опера «Евгений Онегин», концерт для скрипки с оркестром, «Детский альбом» для фортепиано, литургия св. Иоанна Златоуста. В это время Чайков-



И. Айвазовский. «Вид на венецианскую лагуну»

ский часто ездит за границу, выступает как дирижер.

1881 год. Чайковский создает трио для фортепиано, скрипки и виолончели «Памяти великого артиста», посвященное А. Рубинштейну, замечательному русскому музыканту, дирижеру и пианисту).

80-е годы. Сочинены «Итальянское каприччио», «Торжественная увертюра 1812 год», оперы «Орлеанская дева», «Мазепа», опера «Чародейка» на сюжет из русского народного быта, программная симфония «Манфред» (по Байрону), Пятая симфония, балет «Спящая красавица». Написано «Всенощное бдение», которое и поныне поют в православной церкви.

1890 год. Сочинена опера «Пиковая дама» по повести Пушкина. Это лучшая опера XIX века!

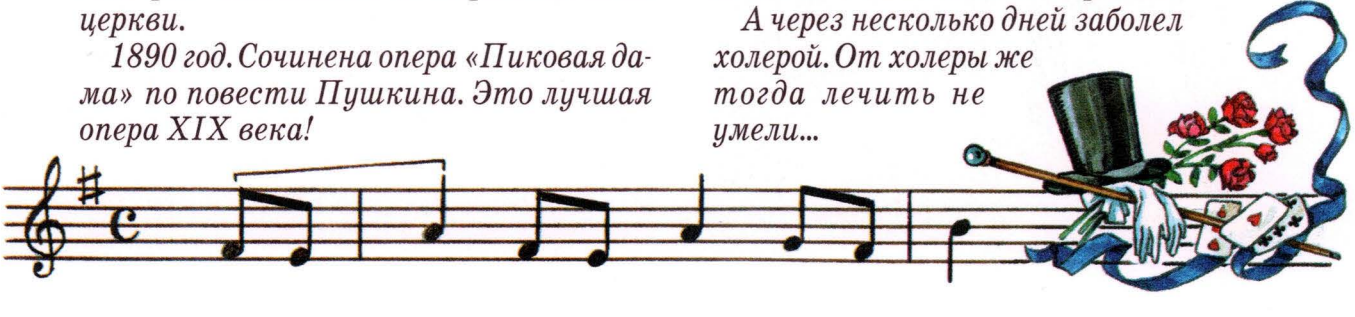
1891 год. Опять гастроли, на этот раз композитор поехал в Америку, где американские музыканты оказали ему восторженный прием. В этом году он пишет оперу «Иоланта».

1892 год. Написан балет «Щелкунчик» по сказке Гофмана.

1893 год. Композитор пишет самую знаменитую Шестую симфонию — «Патетическую». Последние годы жизни Чайковский чаще живет под Москвой — в Майданове и в Клину. О его упорной творческой работе говорят его произведения.

16 октября 1893 года. В Петербурге Чайковский дирижировал первым исполнением своей Шестой симфонии.

А через несколько дней заболел холерой. От холеры же тогда лечить не умели...



КОЛОКОЛА РОССИИ

Летом 1912 года Сергей Васильевич Рахманинов получил странное письмо. Оно было запечатано в необычный темно-красный конверт. Подписи на конверте не было.

Анонимных писем Сергей Васильевич не любил. Да и кто их любит? Напишут занятому человеку: «Положите под мусорную урну полтораста рублей, или я не знаю, что с собой сделаю!» И куда с таким письмом прикажете обращаться? Не в полицию же с ним идти. Вдруг это не бедняк какой-то писал, а жулик? Бедных, конечно, жаль, а вот жуликам помогать совсем не хочется.

Композитор нахмурился, встал из-за стола, кивком отпустил слугу и, держа в руках конверт, вышел в сад.

Был июль. Легкий ветерок мял траву, трепал кроны деревьев. Вся Ивановка, в которой каждое лето отдыхал Рахманинов, была на виду. За селом начинались волнистые тамбовские поля, зыбко туманились в полумгле перелески, мягко светилась под блистающим крестом церковь. Сергей Васильевич приближался к своему сорокалетию. Но был по-прежнему строен, легок. Коротко остриженную голову держал гордо и прямо. Лицо его — чуть татарское, с крупным носом и серыми внимательными глазами — улыбалось.

Приближалась гроза. Композитор поднял голову вверх, и внезапно налетел настоящий ураганный ветер. Порыв его был так силен, что письмо вырвалось из рук и понеслось к пруду.

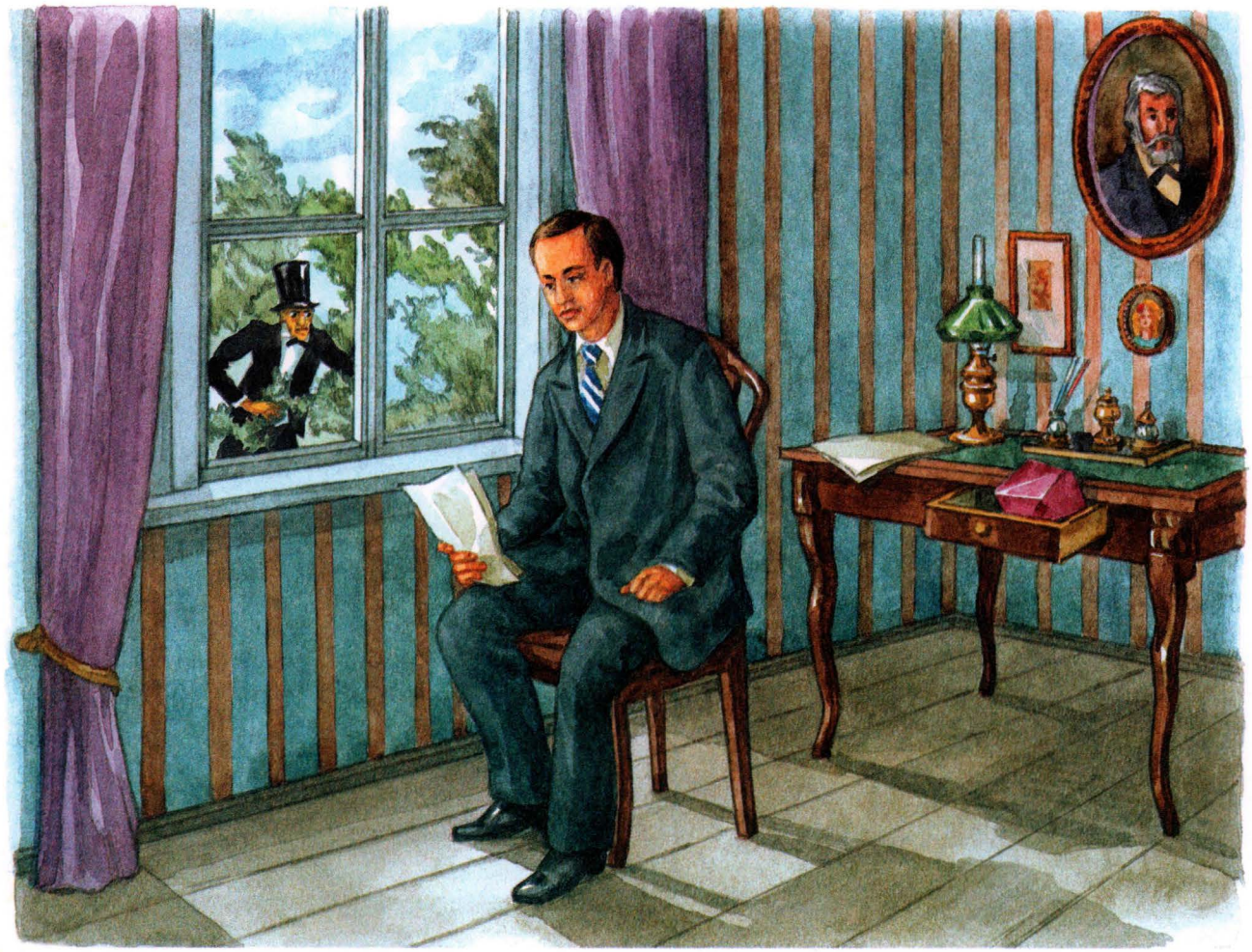
«Ну и пусть летит. Как пришло, так и уходит», — улыбнулся композитор.

Небо нахмурилось, и стало темно, как ночью. Рахманинов решил вернуться в дом. Внезапно от кустов к пруду метнулась чья-то тень. Она была угловатой и острой: словно какой-то худосочный господин в цилиндре и черном фраке, изогнувшись, пытался схватить улетавшее письмо. Но какая может быть тень, когда солнца нет? Нет, это вор, вор!

Сергей Васильевич сделал два шага вперед — и тень исчезла. Он стал поворачивать к дому — кто-то, прячущийся в кустах, вновь тенью метнулся к письму.

С неба упали первые крупные капли. Уже не боясь промокнуть, Рахманинов кинулся к лежащему на земле письму. С какой это стати он должен отдавать то, что принадлежит ему? И вдруг грянул гром, и вдали ему отозвался удар колокола. За ним еще и еще. Это пономарь Гаврила предупреждал окрестные деревни о надвигающейся грозе.

Сергей Васильевич поднял письмо и оглянулся. И снова почудилось: в серой зелени, в мокрых кустах прячется человек в черном цилиндре.



Дома вымокший до нитки композитор, не переодеваясь, вскрыл красный конверт. Из него выпало три листка. На листках было длинное стихотворение, аккуратно и без помарок перепечатанное на пишущей машинке. За стихотворением следовала короткая приписка. И тоже без подписи. В приписке неизвестный просил композитора внимательно ознакомиться со стихотворением. Оно, по мнению неизвестного, было словно специально написано для Рахманинова. Сергей Васильевич, уткнувшись взглядом в середину стиха, стал медленно читать.

Слышишь, сани мчатся в ряд,
мчатся в ряд!
Колокольчики звенят,
радостно томят...

Снова ударил колокол. «Ну конечно! Колокольчики, колокола! Вот что мне надобно написать! Хорошо, что я догнал письмо. А этот вор, он дело знал... Не будь письма, я бы о стихах Эдгара По и не вспомнил! Неужто кто-нибудь из братьев-композиторов про письмо прознал? Может, этот... лупоглазый, с козьей бородкой? Ну да тут ничего не попишешь. Кон-ку-рен-ция. Соперничество...», — бормотал про себя композитор.

Страшные удары грома заглушали колокол, заглушали, казалось, и сами мысли композитора. Но он все скользил и скользил глазами по бумаге.

Слышишь воющий набат,
Словно стонет медный ад!
Это звуки в дикой муке сказку
ужасов творят...

И вдруг вся прошлая и будущая жизнь с ее войнами и революциями прошла перед Рахманиновым: вот юность — легкая, ликующая, светлая. Вот молодость, наполненная до краев любовью к музыке, к рекам, лесам, перелескам, к женскому и детскому смеху. А вот и зрелость, переполненная работой, путешествиями, а затем и печалью по оставленной навсегда России.

Диких звуков несогласность
Возвещает нам опасность...

Прочел про себя композитор, и тут стукнула рама, зазвенело разбитое стекло. Рахманинов резко обернулся к окну: и опять, опять мелькнул черный цилиндр! «Ну уж нет! Мы все звуки согласно устроим! И ничего черным цилиндрам, этим вестникам беспорядка и бунта, не отдадим!»

Сергей Васильевич схватил висевший на стене «Винчестер» и кинулся к окну. «Пугну-ка подлеца как следует!»

Раздался выстрел. И тут же жалобно заскулила во дворе какая-то чужая собака.

— Савелий! — крикнул Сергей Васильевич. — Проверь: что там за собака у нас во дворе визжит!

— Так что, никакой собаки во дворе, ваша милость, нет. Уползла-с! — отрапортовал через пять минут запыхавшийся Савелий. — А кровь-то и вправду осталась. Да и шерсти, шерсти-то! Цельных пять клочков насчитал!

— Так вот кто к нам в гости пожаловал... — протянул про себя композитор. — Так вот кому колокольный звон не по нраву!

И Сергей Васильевич, бледный, но решительный, в сопровождении слуги выбежал во двор.

Но собаки, конечно, и след простыл. Тень в цилиндре тоже пропала. Да и гроза, прорвавшая небо и над Ивановкой и над Тамбовом, ушла на юг, к Дикому Полю.

Композитор же снова возвратился за стол и стал постукивать пальцем по красному конверту. «Что ж! Будем бить в колокола! Будем сочинять и исполнять музыку, будем писать и выкрикивать стихи, покуда эта темная сила не исчезнет. Да и вообще! Не кажется ли вам, господа, что настоящие композиторы и поэты — это и есть колокола России?»

А колокола все гудели вдали. Они отгоняли грозу, но одновременно и возвещали «неслыханные перемены, невиданные мятежи». Но Рахманинов был спокоен: и колокола Эдгара По, и колокола России никакая нечистая и никакая другая сила отнять у него не могла. Ведь никто не может отнять то, что звучит внутри.

Сергей Васильевич Рахманинов

1873 год. Сережа родился 20 марта в имении Онег, Новгородской губернии. С четырех лет он обучался игре на фортепиано. Совсем юным поступил в Московскую консерваторию. Учился у композиторов Танеева и Аренского.

1891 год. Сергей заканчивает консерваторию как пианист. Сочиняет свой Первый фортепианный концерт.

1892 год. Рахманинов заканчивает консерваторию как композитор и пишет оперу «Алеко» по поэме Пушкина.

1893 год. Написаны трио «Памяти великого художника», фантазия «Утес».

1895 год. Сергей Васильевич сочиняет свою Первую симфонию.

1901 год. Сочинен Второй фортепианный концерт. Получен чин титулярного советника.

1904—1906 годы. Рахманинов работает дирижером в Большом театре в Москве. Написаны оперы «Франческа да Римини», «Скупой рыцарь».

1905 год. Ему присвоен чин коллежского асессора.

1907 год. Сочинена Вторая симфония.

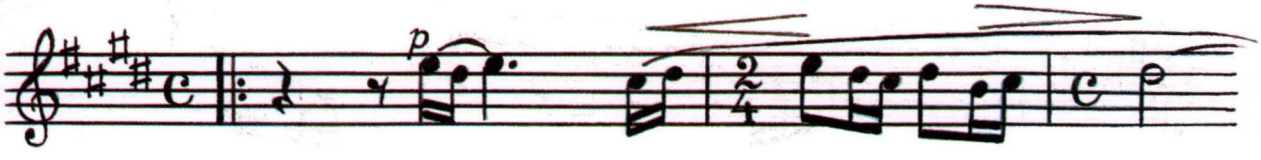
1909 год. Написана симфоническая поэма «Остров мертвых» и Третий фортепианный концерт.

1911—12 годы. Рахманинов пишет цикл этюдов-картин для фортепиано. Живет на Тамбовщине, в Ивановке.

1913 год. Поездка в Рим с семьей. Сергей Васильевич начинает работать над «Колоколами» — поэмой для оркестра, хора и солистов. Премьера состоялась в Петербурге 30 ноября.

1915 год. В исполнении синодального хора в Москве состоялась премьера «Всенощного бдения» для смешанного хора. В отзывах прессы отмечались «истинно русская народная полифония, широкий хоровой диапазон, выразительное применение вокальных тембров...» Шла Первая мировая война. «Всенощное бдение» — это торжественная песнь во славу красоты земли русской, во славу ее народа.

1917 год. Февраль. Сергей Васильевич почувствовал, что теряет под ногами опору. Сильнейшей, незаживающей душевной травмой осталась для музыканта потеря Ивановки — имения, куда он годами вкладывал свои артистические



доходы. Ивановка для Рахманинова была тем же, чем для Пушкина — Михайловское. Олицетворением дома, очага, Родины. В декабре сорокачетырехлетний Рахманинов с женой и двумя дочерьми покидает Россию.

1918 год. Его постоянное местожительство — Соединенные Штаты. В эмиграции изменился музыкальный статус Рахманинова. Запад встретил его прежде всего как исполнителя. Его концерты проходили в переполненных залах, с неизменной овацией. Сергей Васильевич готовит программы.

1926 год. Написаны три русские песни и Четвертый фортепианный концерт.

1934 год. Беспокойством и трагическим предчувствием пронизана музыка «Рапсодии на тему Паганини».

1935—36 годы. Рахманинов пишет Третью симфонию.

1939 год. Лето композитор по обыкновению проводил в Европе. Восемь лет назад он приобрел участок земли на берегу Фирвальдштетского озера и, как шутили родные, сделал «из Швейцарии Ивановку», назвав свое новое имение «Сенар». Между тем обстановка в Европе становилась все тревожнее. Все же он успевает выехать 23 августа на одном из последних пароходов из Европы, всего за восемь дней до открытия военных действий.

1940 год. Летом композитор завершает «Симфонические танцы», свое последнее произведение. «Не могу забыть, что это была за работа, — напишет уже после смерти мужа Н.А. Рахманинова. — Мы жили тогда на берегу моря, на даче недалеко от Нью-Йорка. В 8 часов утра Сергей Васильевич пил кофе. В 9 садился за сочинение. С 10 часов он играл два часа на фортепиано, готовясь к предстоящему концертному сезону. С 12 часов до часа опять работал над «Танцами». В час дня завтракал и ложился отдыхать, а затем с 3 часов дня с перерывом на обед работал над сочинением до 10 часов вечера». «Симфонические танцы» посвящены Филадельфийскому оркестру и его руководителю Юджину Орманди.

М. Врубель. «Муза»

1941 год. Фашистская Германия нападает на Россию. Что мог сделать Рахманинов как композитор, музыкант, как русский для победы русского оружия? Он дает концерты, посылает посылки и деньги Красной Армии.

1943 год. С надеждой на победу русского оружия он прожил свои последние дни.

ПЕТРУШЕЧНАЯ КОМЕДИЯ

Весело в Ораниенбауме в праздничные дни! Господа и дамы в лучших нарядах щеголяют. Парни в новых свитках красуются, в теплых картузах. Девушки на масленицу в старинную меховую одежду вырядились.

Молодой барчук Стравинский замерз. Друг его Курнаков — тоже. Масленица в этом году холодная. А они в подбитых «рыбьим мехом» гимназических шинельках. А ведь хочется еще и петрушечную комедию поглядеть! Да, видно, на сей раз — не судьба. Медленно бредут приятели к вокзалу, чтобы в Питер вернуться.

Вдруг кто-то тронул высокого, как каланча, Стравинского за локоть. Однако пятнадцатилетний Игорь цену себе знает. Он надменно оборачивается. Его длинное крупногубое лицо с русыми волосами сердито. Недовольно поблескивает и новенькое, только что заказанное (больше для форсу, чем по болезни) пенсне. На барчука смотрит какая-то угольная паровозная рожа.

— Поразвлечься, барчук, не желаете? Таку комедию спущу — пальчики оближете!

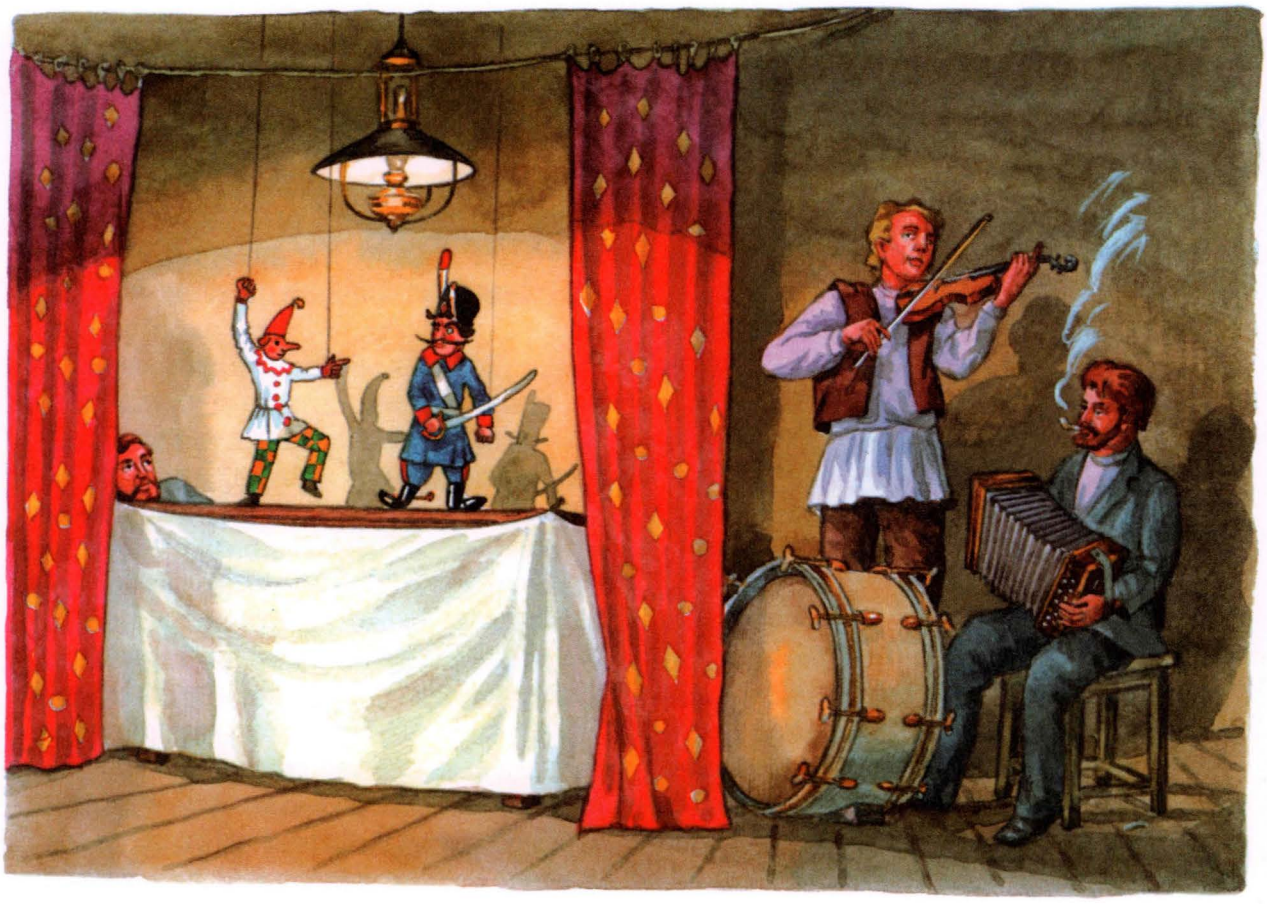
— Как тебя зовут? — все еще цедя слова сквозь зубы, спрашивает молодой Стравинский.

— Да зови хоть Шишом, токмо не гоняй телешом! Айда, господа, не пожалеете!

Избушка Шиша — на самой окраине городка: грязненькая, косенькая. Шли к избушке долго. День стал уворачиваться в сумерки. На окраине совсем пусто. Только у калитки Шишовой какая-то баба изюмом и пряниками торгует. Зато в сенях — полно народу. Вдруг визгливо заголосила скрипка в избе, ухнул барабан, рыкнула басами гармошка. Народ из сеней повалил в избу. А сам Шиш, взяв с барчуков по двугривенному, куда-то пропал.

С трудом продрались Курнаков и Стравинский сквозь густую толпу, к свету керосиновой лампы.

Изба разделена на две неровные половины. На той, что побольше, — зри-



тели на лавках. На другой половине — столик. В столике длинные прорези имеются. По бокам стола — занавески. За ними — скрипач и гармонист. Гармонист не только на гармошке наяривает, но еще и в барабан колотушкой бухать успевает. Наступит ногой на педаль — колотушка и бухнет. Снова наступит — бухнет опять... Гул, смешки, махорка. Вдруг из-за занавесок высовываются руки. И на стол выпрыгивают куклы. Сейчас их будут на проволочках водить!

— Начинается комедь! Чтоб народу — не шуметь! — выкрикивает кто-то.

И «комедь» пошла! Куклы на проволочках скачут, дерутся, смешно сучат руками-ногами. Скрипка надрывается, гармошечка наяривает.

Тут среди кукол появляется Петрушка, начинает выхвалять себя. Он и то, он и се. Он и невесту себе найдет красавицу, и деньгу лопатой загребет!

Но тут застонала скрипка. И появился на столе цыган. Он вел за собой клячу — на четырех палках, с облезлым хвостом.

— А вот лошадь! Чтоб тебя, господин Петрушка, постращать! — крикнул цыган хрипло. — Купи, господин Петрушка, лошадь!

— Лошадь? А добрая ли у тебя лошадь, цыганское отродье?

— Как же ей не быть доброй? Небось на четырех ногах бегает!

— А вот мы счас ее опробуем...

Петрушка с разбегу вскочил на лошадь. Картонная кляча сделала по столу несколько шагов и вдруг разломилась на две половины. Петрушка упал. Цыган стал кричать, ругаться, схватил под уздцы переднюю половину лошади и с ней исчез. Зато задняя половина лошади начала бить Петрушку копытами.

Публика стала смеяться, а Петрушка захныкал. «Дохтура!» — закричал он.

Появился немец-доктор.

— Это пошто ти так критчишь! Фуй, Пьетруша! Сейчас я тебе язык отрежу!

— Ты лечи меня, кубышка немецкая!

— Как ше я тьебя, хаспадин Пьетрушка, пуду летчить? Ты сильно критчишь. Думать мешаешь! Мне надо сильно думать, прежде чем лечить тебя!

— Ну тогда вали домой! Там и думай!

Петрушка вскочил, поднятой со стола плеткой стал стегать заднюю половину лошади. Лошадь крикнула: «Ой, больно!» — и провалилась в прорезь стола.

А вместо лошади из-за занавесок с двух разных концов выскочили Арап и Квартальный. Арап, увидев Квартального, спрятался за камнем. Квартальный же пошел прямо на Петрушку.

— Ты пошто здесь безобразишь? Пошто на лошадей чужих вылазишь? Пошто над немцем-дохтуром измываешься? К его дочери примеряешься!

— Ты гляди, кого принесло!

Петрушка подбоченился:

— Прямо не наш Квартальный, а какой-то дурень «фатальный»! Вот я сейчас тебя плеткой!

— А я тебя саблюкой!

Но лишь попытался Квартальный огреть саблей Петрушку, как тот сабельку из рук надзирателя выхватил, ватную грудь его насквозь проткнул. И упал квартальный, и лопнула под ним ягода клюква, и потекла кровь...

Такое дело публике не понравилось. Послышались крики. Петрушка тут же Квартального в яму запихнул, а публике сказал:

— Счас я спать лягу. Потом жениться буду. А квартального эфтого мне вовсе не жалко, потому как не человек он был, а одна глупая палка!

Петрушка тут же улегся на землю и захрапел. В это время Арап выскочил из-за камня, стал манить кого-то рукой.

И явился из-за занавесок черт! Причем ехал черт на черной собаке.

— Но, Мухтарка, но! — понукал он собаку. — Пока спит Петрушка, мы его быстро в пекло спровадим!

Черт подъехал к Петрушке, схватил его за соломенный чуб и, подхлестывая Мухтарку, поскакал со сцены вон. Но Петрушка проснулся, заголосил:

— Ой, горюшко, ой, лихо! Несет меня черт в пекло! Не буду, не буду я больше квартальных бить!

— Счас ты у меня на сковородке попрыгаешь! А потом я всех вас в пекло спроважу!

Черт подскакал к краю стола, Мухтарка его на зрителей зарычала, изо рта у нее вылетели дым с огнем.

Ну, живо собирайтесь!

Публика отшатнулась. Кое-кто нервно засмеялся: «Да шутки это, не бойсь, не утащит!» Но Стравинский и Курнаков уже вскочили, кинулись в сени. А вслед им кто-то голосом Шиша продолжал орать:

— Заберу, заберу! Всех, всех — в пекло!

А другой кто-то голоском Петрушки сладко ныл:

— Я и в пекле женюсь! И в пекле! Смотрите, глядите! Начинается часть вторая! Секретная! Женитьба в аду! Глядите! Теперь мы комедь не средь кукол — средь вас спущать будем! Ну, кто хочет Петрушкой стать?

Опять сипло взвизгнула скрипка, зарокотал барабан, зачастила гармошка. Такой дикой и страшной музыки никогда барчук Стравинский не слыхал. А уж он-то музыки наслушался вдосталь! Послушать разве еще? Нет! Нет! Музыку эту он сам потом придумает! А вот секретная женитьба в аду — ему и даром не нужна. И хоть он смел и, говорят, умен, и ни в какие предрассудки не верит — ему страшно. Уволокут! Скорей на улицу!

Улица. Песни. Голоса. Чистенький Ораниенбаум. Масленая неделя. Ночь...

Игорь Федорович Стравинский

1882 год. Игорь родился 5 июня в Ораниенбауме в семье русского певца. В Петербурге Игорь провел свое детство.

1891 год. Поступает в Петербургский университет на юридический факультет.

1902 год. Знакомится с Н. Римским-Корсаковым.

1903 год. Написана сюита «Фавн и пастушка» для голоса с оркестром на стихи Пушкина.

1906 год. Женитьба на Е.Г. Носенко. Сочиняет Первую симфонию.

1907 год. Родился сын Федор, будущий художник. 27 декабря — первое исполнение «Пасторали» и песен.

1908 год. Музыка Стравинского звучит со сцены — «Погребальная песнь» для духовых инструментов памяти Римского-Корсакова.

1910 год. Премьера «Фейерверка» для оркестра. Заканчивает «Жар-птицу» и уезжает на премьеру балета в Париж. Лето проводит в Швейцарии, где рождается сын Святослав, будущий пианист.

1911 год. Балет «Петрушка».

1913 год. Написана «Весна священная». Премьера балета вызвала в Париже небывалый скандал.

1914 год. В Париже состоялась премьера оперы «Соловей». Игорь Федорович поселяется в Швейцарии.

1915 год. Впервые выступает как дирижер в Женеве, затем в Париже.

1917 год. Пишет симфоническую поэму «Песнь соловья».

1918 год. Написан «Сказ о беглом солдате и черте». Пишет «Регтайм» для 11 инструментов.

1920 год. Переезд во Францию, премьера в Париже «Пульчинеллы».

1921 год. Выступления как дирижера собственных произведений. В Мадриде дирижирует балетом «Петрушка».

1922 год. Сочиняет оперу «Мавра», в Париже весной состоялась премьера .

1924 год. Концертирует по Европе как дирижер и пианист.

1925 год. Первые выступления Стравинского с концертами в Америке.

1927 год. Концертное исполнение в Париже оперы-оратории «Царь Эдип».

1928 год. Премьеры: Берлин — «Царь Эдип», Вашингтон — «Аполлон Мусагет», Париж — «Поцелуй феи».

1929-33 годы. Париж — премьера Каприччио для фортепиано с оркестром. Брюссель, Бостон — симфония псалмов. Париж — мелодрама «Персефона».

1934 год. Принимает французское гражданство.

1935 год. Премьера Концерта для двух фортепиано в Париже. Исполняют автор и его сын Святослав. Стравинский пишет книгу «Хроника моей жизни».

1938 год. Умирает дочь Стравинского Людмила в возрасте 30 лет.

1939 год. Стравинский теряет жену и мать. Сам он заболевает туберкулезом легких. Переселяется в Америку, где читает курс лекций о музыкальной поэтике в Гарвардском университете.

1940 год. Женитьба на Вере де Боссе (родом из России). В Чикаго состоялась премьера его Симфонии.

1941-45 годы. Концертные танцы для оркестра, «Четыре норвежских впечатления» для оркестра, соната для двух фортепиано, Симфония в трех движениях, Эбеновый (черный) концерт.

1946 год. Первый послевоенный заказ — Концерт для струнного оркестра (для Базельского камерного оркестра).

1946—48 годы. Турне по Америке.

1951 год. Первое послевоенное турне по Европе (Италия, ФРГ).

1952 год. Вторая поездка в Европу.

1953 год. Три песни по Шекспиру.

1956 год. В Венеции премьера Священных песнопений.

1957 год. 17 июня торжественный концерт в Лос-Анджелесе в честь 75-летия Стравинского, на котором исполнялась музыка балета «Агон».

1960 год. Очередные премьеры: «Движения» для фортепиано с оркестром в Нью-Йорке и в Венеции «Монумента Джезуальдо ди Венозе к 400-летию».

1962 год. Премьера музыкального представления «Потоп» по нью-йоркскому телевидению. Торжественные концерты в честь 80-летия Стравинского. Гастроли в СССР. Концерты в Москве и Ленинграде.

1963 год. Закончена кантата «Авраам и Исаак».

1964 год. Продолжаются концертные турне.

Л. Бакст. «Эскиз костюма Жар-птицы»

1965 год. Состоялась премьера оркестровых Вариаций в Чикаго. Начинает работу над Заупокойными песнопениями.

1966 год. Премьера Заупокойных песнопений в Принстоне. Торжества в Нью-Йорке в честь Стравинского в связи с его приближающимся 85-летием.

1967 год. 17 мая Стравинский выступает как дирижер.

1968 год. Закончено последнее произведение — обработка для камерного оркестра двух духовных песен Гуго Вольфа. Поездка в Европу.

1969 год. В апреле Стравинский перенес тяжелую операцию.

1970 год. Обосновывается в Нью-Йорке. Но июль и август проводит на юге Франции, у Женевского озера.

1971 год. Похоронен на кладбище Сан-Микеле в Венеции. Прожита долгая и интересная жизнь. А сколько написано! За целый век не переслушать.

УДК 087.5: 78 (470)
ББК 85.31
Р89

СОДЕРЖАНИЕ

Маленький хорист. *Дмитрий Степанович Бортнянский* 2
Грустный шпион. *Максим Созонтович Березовский* 7
«Ах ты, сукин сын, камаринский мужик!» *Михаил Иванович Глинка*....10
На святках. *Александр Сергеевич Даргомыжский*....14
Воскресный композитор. *Александр Порфирьевич Бородин*....19
Юродивый. *Модест Петрович Мусоргский*....24
Песня гусляра. *Николай Андреевич Римский-Корсаков*....28
Баркарола. *Петр Ильич Чайковский*....33
Колокола России. *Сергей Васильевич Рахманинов*....38
Петрушечная комедия. *Игорь Федорович Стравинский*....43

Борис Тимофеевич Евсеев

РУССКИЕ КОМПОЗИТОРЫ

Художник Александр Иванович Чаузов

Для старшего школьного возраста

История музыкальной культуры России в рассказах о великих композиторах: Глинке, Мусоргском, Чайковском, Стравинском и других

Издательство **«Белый город»**

Директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Редактор Л. Жукова
Корректура: Н. Старостина
Компьютерная верстка Т. Федорина
Сканирование: О. Кругова

ISBN 5-7793-0427-0
Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 года

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2,
тел. 176-91-09, 176-91-04, 176-94-63

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам
обращайтесь по адресу:
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2

Оптовые поставки — фирма **«Паламед»**,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2,
тел. 176-68-95, 176-91-09, 176-80-97, 176-91-04,
176-94-63, 288-75-36, факс 176-68-09
E-mail: palamed@aha.ru

Розничная продажа:
Торговый Дом Книги «Москва»,
Москва, ул. Тверская, 8

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ЯПК

Дата подписания в печать 20.12.2001
Гарнитура SchoolBook; печать офсет,
бумага офсетная, формат 84×108, 1/16.
Тираж 8000 экз. Заказ № 0117430.

© «Белый город», 2002

Электронный вариант книги:

Скан: LenAlis

Обработка, формат: manjak1961

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, признаны **лучшими детскими книгами 2000 года.**

Готовятся к выпуску:

РУССКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ
САМОЗВАНЦЫ
XX ВЕК
АЛЕКСАНДР I
НИКОЛАЙ I
РУССКИЕ ЖИВОПИСЦЫ
РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
ВОЙНА НАРОДНАЯ
СВЯТЫНИ РОССИИ
ЛЕГЕНДЫ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ

ISBN 5-7793-0427-0
9 785779 304276 >

ИСТОРИЯ РОССИИ

РУССКИЕ КОМПОЗИТОРЫ

БЕЛЫЙ ГОРОД

ИСТОРИЯ РОССИИ

РУССКИЕ КОМПОЗИТОРЫ

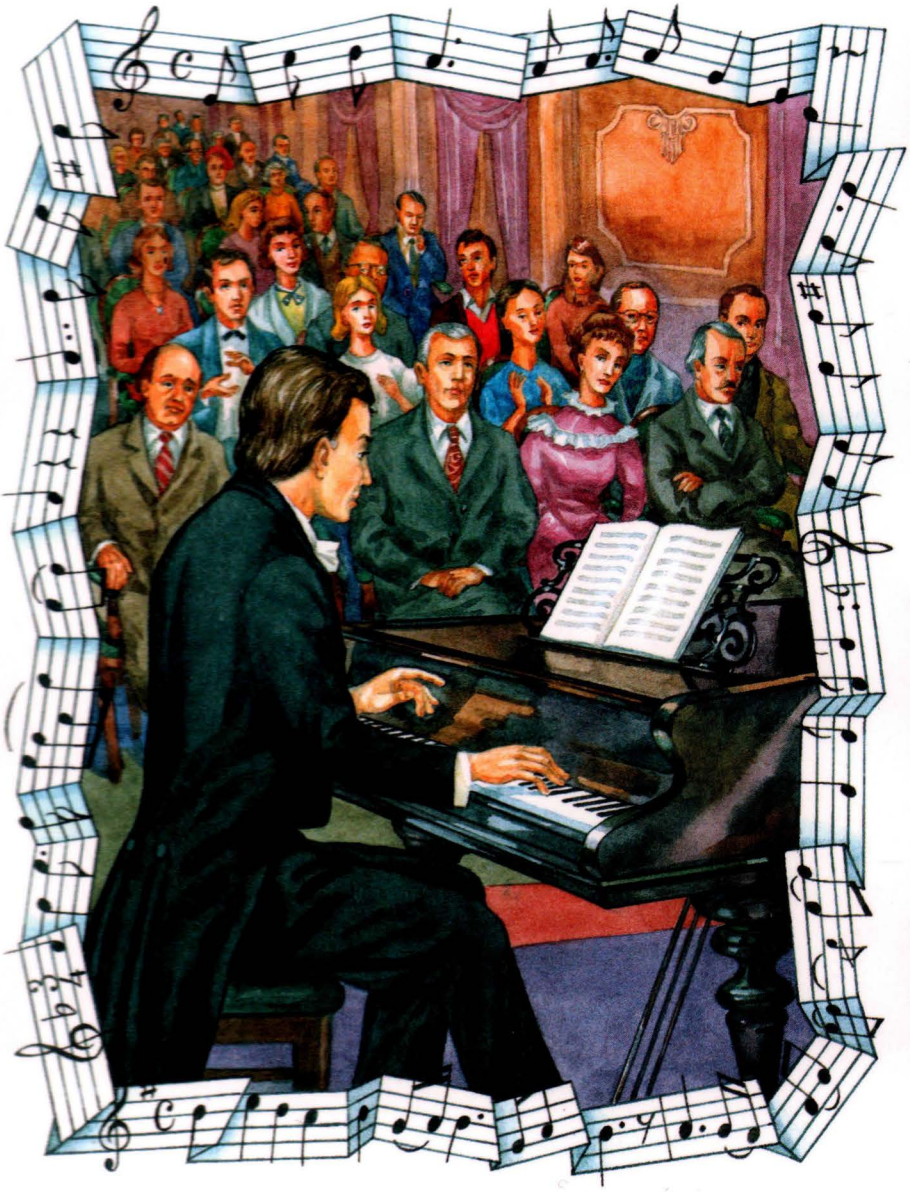
М.С. Березовский

А.П. Бородин

П.И. Чайковский

М.П. Мусоргский

А.С. Даргомыжский



Д.С. Бортнянский

М.И. Глинка

И.Ф. Стравинский

С.В. Рахманинов

Н.А. Римский-Корсаков

РАССКАЗЫ О ЖИЗНИ

ЛЕТОПИСЬ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

БЕЛЫЙ ГОРОД

Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования РФ

ИСТОРИЯ РОССИИ
РУССКИЕ КОМПОЗИТОРЫ
БЕЛЫЙ ГОРОД